

СМЕНА



19 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



нет

НАМ ЖИТЬ ПРИ



КОММУНИЗМЕ!

ШИРОКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Наш паровоз, вперед лети, в коммуне
остановился, там пели комсомольцы
девяностых годов, пропорции основ
социализма. И за окнами этого сима-
волического паровоза, надорванный
мачавшегося настручу светлому буд-
ущему, проносились поля первых колхозов,
мелькали первые стойки пятилеток: «Магнит-
ка», ДнепроГЭС, Стalingрадский тракторный,
Комсомольск-на-Амуре. А паровоз летел все
далее. Его не остановили заплы фашистских
орудий: он уверенно шел вперед. И вот уж
поздни огни целинных сквозок, мощные пло-
тины Стalingрадской и Куйбышевской ГЭС,
первый полет советского человека космос, а
наши ломотивы, ведомые испытанным машинистом-партизаном Ленина, — вперед на решающий
перегон.

Перед нами точное расписание — новая пар-
тийная Программа. Близка, теперь уже очень
близка станция назначения, о которой пели
первые комсомольцы. Наши поколения вы-
палило счастье строить коммунизм, нам и жить
при коммунизме.

Счастье для нас, комсомольцев 60-х годов,
в том и состоит, что великая партийная Прог-
рамма дает каждому молодому человеку грандиозную цель в жизни. В самом деле, за
всю историю человечества ни в одной стране
не открывались перед молодым поколением
такие горизонты, такие благородные
задачи.

Новая Программа, которую примет истори-
ческий ХХII съезд КПСС, — это поистине про-
грамма жизни для советских людей.

Вот потому наша молодежь с огромным удовлетворением и чувством большого гордо-
сти восприняла проект Программы партии —
выдающийся документ современности, откры-
вающий перед народом невиданные перспек-
тивы, великую цель жизни.

Наша страна в большом походе к коммунизму. И сегодня, сверяясь с делом, проектом
великой Программы, молодые люди устремля-
ют шаг. Наша темы и раньше поражали мир,
а за грядущее двадцатипятилетие намечается уве-
личение объема промышленной продукции
не менее чем в шесть раз, поднять производи-
тельность труда в промышленности в четы-
ре раза с половиной раз! План электри-
фикации страны к концу двадцатипятилетия пред-
усматривает производство 2 700—3 000 мил-

лиардов киловатт-часов электроэнергии. В 1980 году в нашей стране должно выплавляться
примерно 250 миллионов тонн стали в год.

Встанут на нашей земле новые заводы-авто-
мобилестроительные, машиностроительные, начнется
кинется электротехническое небо, о котором так
растительно мечтал Ильин. Всему этому в проекте
партийной Программы положены конкретные,
реальные сроки, исчисляемые насколькими
годами. И во всех этих сроках, во всех этих
планах — величайшая вера в советского человека,
в наше народ: «...построим коммуни-
зм», — провозглашено в проекте Программы, —
дело рука народа, его энергии, его разума...
При этом особое внимание уделяется подра-
стающему поколению: «Партия рассматривает
молодежь как созидательную, творческую си-
лу в борьбе советского народа за коммунизм».

В труде на земле, в коммунистической молодежи
— свое счастье и призвание, ибо нет
лучшего прекраснее и выше, чем вложение в
жизнь великой Программы построения ком-
мунизма. В этом состоит основа всей деятель-
ности Ленинского Коммунистического Союза
Молодежи.

Стремясь достойно встретить ХХII съезд
родной партии, комсомольцы, вся советская
молодежь несут в эти дни ударную трудовую
вахту. Советское юношество сделано для се-
бы, как говорил Никита Сергеевич Хрущев,
«вывод от необходимости трудиться и еще раз
трудиться во имя ускорения коммунистическо-
го строительства». Укрепление морали, мотивации
и приверженности советской Родине.

Со всех уголков нашей небывалой Отчины
приходят радостные вести о трудовых победах
советской молодежи, посыпающих предста-
вляемые съезду партии.

Вот, например, сообщение Татарского обкома
о комсомоле:

«Включившись в предзаседовское соревнова-
ние, все комсомольско-молодежные коллек-
тивы нефтной промышленности досрочно вы-
полнили свои годовые обязательства. Все
17 комсомольско-молодежных буровых бригад
республики по темпам проходки идут на уров-
не последнего года семилетки.

В дни предзаседовского соревнования коли-
чество участников движения за коммунистиче-
ской труд в промышленности республики
возросло до 120 тысяч до 200 тысяч человек».

С таким же замечательным производственным
успехом пришли к съезду родной партии
тысячи комсомольско-молодежных коллектива, миллионы юношей и девушек, ко-
торые делом ответили на призыв партии —
встретить ХХII съезд КПСС по-коммунистиче-
ски. Трудно сейчас найти молодого рабочего или
строителя, такой молодежный коллектив, которые
не готовили бы свой трудовой подарок
партийному съезду. Только в Москве в
этот патриотическом движении участвуют более
400 тысяч юношей и девушек. В эти дни еще
большой размах приобретает движение
заключенных и осужденных. Многие из них, де-
сятки и сотни предприятий, комсомольцы и
молодежь которых полностью включились в
это движение. Многие молодежные коллекти-
зы завоевали почетное звание бригады имени
ХХII съезда КПСС.

Но самым большим подарком комсомола
съезду партии является вклад в действие важнейших
объектов промышленности и транспорта
на всесоюзных ударных комсомольских стройках. Уже задумы новые доменные печи
на Криворожском металлургическом заводе, в
Караганде и Туле, дают сталь марганцевые

печи и прокатный стан «250» на Череповецком
металлургическом, прокатный стан на Сибир-
ском трубном заводе, идет белоснежная бу-
мага с Марийским и Архангельским комбини-
тами, налажено производство лавсан в Курске,
для кузнецкого комбината «Губане Куда» и в Чим-
кенте.

Богатейший урожай хлебов убран на полях
страны. И в этом хмелая заслуга сельских
комсомольцев. По призыва партии, по совету
Никиты Сергеевича Хрущева подмиллионна
юношей и девушек взялись за выращивание
кукурузы на площади 12,5 миллионов гектаров
и сейчас убирают высокий урожай.

Все это свидетельствует о том, что совет-
ская молодежь, Ленинский комсомол, как все-
гда, идет в первых рядах борцов за постroe-
ние коммунизма, свидетельствует о высокой
политической сознательности, беззаветной пред-
доставленности юношей и девушек, их горячей и
единодушной поддержке родной партии и
правящего правительства.

Сейчас, как никогда, возрастает роль комсо-
мала — самодельной общественной организа-
ции молодежи, помогающей партии воспи-
тывать подрастающее поколение в духе ком-
мунизма, вовлекая ее в практическое строи-
тельство нового общества, готовить всесторон-
не развитых людей, которых будут жить, ра-
ботать и управлять общественными делами
при коммунизме.

«Учиться коммунизму» — с этими словами
обратятся на III съезде РККА с молодежи
Страны Советов В. И. Ленин. Тогда же Влади-
мир Ильин, председатель комитета коммуни-
стического краеведения, лекции борьбы за
укрепление и завершение коммунизма.

В этом ленинском завете заложены основные
постулаты коммунистической морали, разви-
тые и конкретизированные партией в
моральном кодексе строителя коммунизма.
Вчитываясь в строки морального кодекса и
видящи за ними лучших представителей наше-
го молодого рабочего класса.

Мне не раз приходилось встречаться с за-
мечательным донецким шахтером Кузьмой
Севериновым, руководителем бригады, кото-
рой первые Донбассе земли соревнования
за коммунистический труд. Как выступило
это движение за коммунистический труд? Он и перво-
вой производственностью: бригада с честью вы-
полнила свою предзаседовскую обязанность, а сам бригадир удостоен звания Героя Социа-
листического Труда. Он и забытый воспи-
татель: подавляющее большинство шахтеров
его бригады учится в институтах, техникумах,
вечерних школах, помогают отставшим. Он и
депутат. Он, наконец, и активный деятель меж-
дународного молодежного движения: в дни
Всемирного форума молодежи, Кузьма страстно
пропагандировал наш советский образ жизни.

Эти черты строителя нового общества род-
ной партии Кузьмы Северинова и московского
шахтера Геннадия Маслова, киевского го-
лодградского токаря Анатолия Скобелева, и ме-
ханизатора-целинника Михаила Дожинки, и
многие, многие тысячи молодых людей, встре-
чающиеся съезду родной партии по-коммунистиче-
ски.

«Отгромное воспитательное значение,— гово-
рит в проекте Программы КПСС,— приобре-
тает сила хорошего примера в общественной
и личной жизни, в исполнении общественного
долга. И потому важнейшая задача комсомоль-
ских организаций является дальнейшая не-
устанная пропаганда достижений этих маяк-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания тридцать восемь

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Октябрь
1964

Первая страница обложки: пла-
нист художника О. Вуколова.
Четвертая страница обложки:
«Альпинисты». Фото А. Морозова.

ТЫ, ВЕЛИКАЯ ЦЕЛЬ

передового опыта, коммунистических образцов в труде и личной жизни.

В ходе предфедэсовского соревнования появилось много ярких начинаний молодежи, ставших делом всего комсомола. Это и движение молодых москвичей, решивших встретить съезд партии личными трудовыми подергами, дальнейшим повышением надежности выпускаемой продукции.

Это и соревнование молодежи Украины за право именоваться коллегиями коммунистического труда имени ХХII съезда КПСС, за то, чтобы рядом с передовиками не было отсталых. Тысячи молодых комсомольцев, как, например, кирзовчан, систематически выполняют синесинтетическую программу за шесть часов.

Широкое развитие в предфедэсовские дни получили лозунги «Семь в пять», выданный комсомольцами Ленинграда. В городе Ленина успешно осуществляются личные планы повышения производительности труда свыше 200 тысяч молодых рабочиков. Ведется большая работа по лучшему использованию стационарного оборудования. Это позволяет получить на тех же производственных площадках на 300 миллионов рублей дополнительную прибыль.

А Свердловск, имея более 400 тысяч юношей и девушек, решены овладеть к съезду призмами труда лучших производственников, повысить свою квалификацию.

Больших успехов в борьбе за использование резервов производства и сокращение потерь добились комсомольцы Латвии. Молодежь республики уже внедрила в производство 250 автоматов, конвейерных и поточных линий, сконструировала 8 700 тонн металла, 7 миллионов киловатт-часов электроэнергии. Активное участие комсомола в борьбе за использование резервов производства позволило промышленности республики успеть к съезду партии выполнить план по выпуску промышленной продукции и росту производительности труда и получить за счет снижения себестоимости продукции более 2 миллионов рублей сверхплановых накоплений.

Можно назвать и много других важных, конкретных дел комсомольцев и молодежи страны. Они разнообразны по форме, но единны в своих целях: встретить съезд партии тоннами сверхплановой стали, углем, сотнями тысяч метров ткани и другой продукции.

Задача комсомола — забытье, всевозможное использование возможностей молодых строителей, молодых людей, активно участвующих в жизни, учащихся в школах, техникумах и вузах.

— «Бесплатное медицинское обслуживание всех граждан, включая обеспечение медикаментами и санаторное лечение больных».

— «В этом пункте первая и самая главная часть программы — это здравоохранение».

— «Все более широкое обеспечение населения пособиями, лаготами и стипендиями».

И здесь не случайны слова: «если более широкое обеспечение... — потому что это обеспечение существует на деле».

«Сорок за год на наша партия, как заботливый садовник, навосторила ростки коммунизма, она исподволь крепла, набираясь живительных сил. Сейчас наступило время, когда эти ростки превращаются в сад, которому пришла пора плодоносить».

И молодое поколение нашей страны готово

ко всем новым, неизвестным формам коммунистического отношения к труду: коллективы коммунистического труда, общественные конструктивистские бирю, штабы технического прогресса, группы экономического анализа, работа без ОТК, медицинских общественных пунктов. А сколько тысяч молодых энтузиастов овладели вторыми профессиями и стали общественными контролерами, инспекторами по кукурузе, инструкторами по физкультуре, инженерами, инженерами, инженерами, инженерами,

дружинниками, бескорыстно отдают свое свободное время на благо общества, на благо людей! Долг комсомольских комитетов — всемирно развивать и поддерживать у молодежи эти драгоценные коммунистические начала.

Проект новой Программы Коммунистической партии Советского Союза — это звучущий вперед мечта и в то же время конкретный план действий. Естественно, что он вызвал огромный энтузиазм у советских людей, восхищение всего передового человечества.

Мне вспоминается сейчас недавняя поездка в Индию. Каждый раз перед заседаниями союзных комитетов комсомола мы слушали выразительную народную молву. От солнца к селению, по цепочке передавалась весть: едут люди из Советской России. На встречи с нами собирались тысячи индийских друзей. И наши рассказы о достижениях народного хозяйства, науки и техники, бесплатном обучении, медицинской обслуживании, отсутствии безработицы, сокращенном рабочем дне, о размахе жилищного строительства в Советском Союзе посмешили всеобщее восхищение. Для них, простых людей Индии, все это было лишь будущим, светлым мечтой. Для нас же, советских людей, грядущим планом, намеченный партийной конкретной практикой, практические дела, ибо победа коммунизма зависит от людей и коммунизм строится для людей.

Однако, как и прежде, во вражеском стане находились людишки, пытающиеся подставить под сомнение реальность наших планов. Слепцы! Они не видят, а вернее, умышленно не хотят замечать, что каждая строка партийной Программы является логическим продолжением того, что мы уже имеем сегодня, неудержимого развития советского общества. Вчитайтесь, например, в следующие пункты проекта Программы:

— «Бесплатное образование во всех учебных заведениях».

Вспомним, что значительная часть этой задачи в нашей стране уже осуществлена: у нас давно введен бесплатно обучение в школах, техникумах и вузах.

— «Бесплатное медицинское обслуживание всех граждан, включая обеспечение медикаментами и санаторное лечение больных».

— «В этом пункте первая и самая главная часть программы — это здравоохранение».

— «Все более широкое обеспечение населения пособиями, лаготами и стипендиями».

И здесь не случайны слова: «если более широкое обеспечение... — потому что это обеспечение существует на деле».

«Сорок за год на наша партия, как заботливый садовник, навосторила ростки коммунизма, она исподволь крепла, набираясь живительных сил. Сейчас наступило время, когда эти ростки превращаются в сад, которому пришла пора плодоносить».

Наша страна на пороге великого исторического события — ХХII съезда КПСС, съезда, который примет новую Программу, программу строительства коммунизма. Встреча партийный съезд, Ленинский комсомол, советская молодежь кланутся партии, что неожиданно для превращения в жизнь грандиозных предначертаний партии.

Моральный кодекс строителя коммунизма. Вчитываясь в ясные, простые строки и видящи на них нашего современного автора — Сергея Белкинского, «своего нынешнего имени». Да, именно этого, которого встречаешь везде: на заводах, стройках, полевых станах, в студенческих общежитиях. И это не удивительно: ведь каждая заповедь морального кодекса, как записано в проекте Программы КПСС, «включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами».

Уже сегодня миллионы советских юношей и девушек стараются строить свою жизнь в соответствии с нормами коммунистической морали. В этом номере «Смены» мы приводим факты, взятые из различных молодежных газет нашей страны, и каждый из этих фактов подтверждает: моральный кодекс строителя коммунизма уверен-но входит в нашу жизнь.

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС УТВЕРЖДАЯ

«Комсомолец Заполярья»

Это от солнца

Девушка приехала издалека. Ее ма-нила мечта о подиуме, романтика Севера. Мурманск — огромный город. Она была в нем одна. Кругом пустыни, камни, сугробы снега, сугробы снега, дома, плющины. Она бродила по городу, останавливаясь на ее пустынных улицах, на ее пустынных улицах. Но вдруг, в этот момент, она поняла, что именно здесь, на этом пустынном, ей придется поднимать многоэтажный красавец дома.

Не вдруг радостное ощущение сво-ей необходимости погасло раздави-тельный страх перед будущими надзорами.

— Не требуют нас побачити.

Снова в руках деревянный че-моданчик. В нем был паспорт, адресорс; «Как ти знаєш, не нужна?»

Она вышла из монторы. Как ярко свети солнце! Больно смотреть!

— Погано плачешь, говори, что?

Нина подпирала глаза. Перед ней стояла девушка в рабочей сплевоне.

— Да нет это от солнца. Сейчас пройдет.

— Говори же лучше.

Погано! Нина покерасилась этой девицей. Рассказала все: и как приехала в Мурманск и что хочет устроиться на работу. Но делать, по существу, ничего не умеет!

— Нууда.

— Нууда, в brigadu Anatolija Glibina, Пости же, не бойся!

И девушка взяла из рук Нины че-моданчик.

Так в brigadu Anatolija Glibina появилась новая ученица — Нина Ко-ролева.

На следующий день впервые все побежали в столовую. А когда весело-вой, весело-вой, сидели за стол, кто-то неожиданно спросил:

— А новенькая где?

Люси Смирнова и Вале Куклина сразу же отперли дверь и искали Нину. Нашили ее на стойке. Она долго не хотела идти в столовую, отнекиваясь, пока сказали, что в конце концов призналась:

— Денег нет.

Чуть ли не силой привели ее девчата в столовую.

Когда же Нина получила первую зарплату, она подошла к Вале Куклиной:

— Сиюль, я должна вам?

— Ну что ты! Мы же по-товарищески!

— Спасибо...

Человек, ты плачешь, глупышка!

— Я испытываю Валю.

— Это от солнца, сейчас пройдет.

— Улыбнулась Нина.



Фотоочерк Г. ДУБИНСКОГО.

Солнце встает над Братском. Оно не видело стройку всего лишь несколько часов — коротки ангарские ночи. Но солнце уже давно привыкло к тому, что даже за несколько часов у Ледуна происходят удивительные изменения. Так и сегодня: еще выше поднялись к небу бетонные блоки, в здании станции установлен статор, а гидромонтажники поставили затворы донных отверстий.

Люди обгоняют время. Комсомолия, строящая Братскую ГЭС, спешит; ведь она дала слово партии: в день открытия XXII съезда КПСС первая турбина даст ток.

Солнце встает над Братском, и вместе с ним встают люди. Вот они, простые парни и девчата, которые своими руками строят коммунизм и которым жить при коммунизме.

Так же, как и они, спешат в этот утренний час на свои рабочие места строители других ударных комсомольских объектов. Спешат комсомольцы Нурука и Череповца, Жданова и Тайшета, Архангельска и Чирника. Спешат комбайнеры-целинники, кукурузоводы Украины, хлопкоробы Узбекистана. Страна в большом походе к коммунизму. Страна убирает шаг. Комсомолцы готовят к съезду трудовые подарки: доменные печи и турбины, прокатные станы и мартены, миллионы мет-

ров красивых тканей, миллиарды пудов золотого зерна.

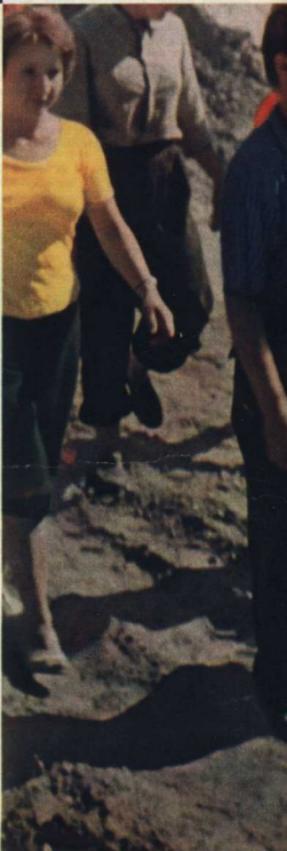
Но в труде рождаются не только дома. В труде выковываются характеры строителей коммунизма.

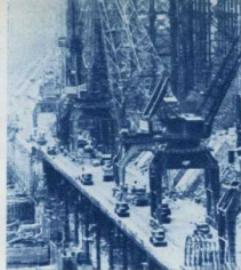
Какой же он, этот новый рабочий?

Вот один из них — Владимир Павлов. С виду простой рабочий, который ничем не отличается от других таких же рабочих парней. Но когда на Братской ГЭС встал вопрос о строительстве трех бетонных заводов, именно он, бригадир бетонщиков, нашел смелое инженерное решение: вместо трех заводов построить один, но такой, который будет выгоднее, экономичнее, чем три разрозненных предприятия. Бетонщик скромного государству миллионы рублей. Таков нынешний рабочий — строитель коммунизма, честный, мыслящий государственными масштабами, широко и смело шагающий в будущее, умеющий искать и находить, готовый бороться за свою мечту.

И везде, куда бы мы ни заглянули, повсюду обязательно встретим людей, думающих не только о своей конкретной работе, но и об общих интересах своего предприятия, колхоза, стройки, всей страны.

Сбываются пророческие ленинские слова: «Коммунизм начи-





ЗИДАТЕЛИ

кег





нается там, где появляется само-
отверженная забота... рядовых
рабочих об увеличении производ-
ительности труда, об охране
каждого пуда хлеба, угля, железа
и других продуктов, доставшихся
не работающим лично и не их
«ближним», а «дальним», т. е.
всему обществу, десяткам и сот-
ням миллионов людей...»

А вот другой представитель
современного поколения рабо-

чих — крановщик Юрий Лангода.
Его знает не только вся Братская
стрийка, его знает вся страна:
это он побил американский рекорд
по укладке бетона. Это он
выступил с трибуны Всесоюзного
совещания строителей с предло-
жениями, к которым прислушива-
лись руководители министерств.

Уходит в прошлое представле-
ние о рабочем как о человеке,
который добивается высоких ре-

— Будет врагет к звезде! —
говорят монтажники Владимир
Сидоров и Геннадий Синицын.

Движение девичьей руки — и
огромная машина разворачивается
влево, еще одно движение — и
машину разворачивают вправо.
И видится в этой рабочей
девчинке, вчерашней девятикласс-
нице, искусный дирижер великой
симфонии труда.

«Милионар» Владимир Павлов
со своей бригадой.





Ренордсмен по укладке бетона
Юрий Лангода.

зультатов за счет лишь мускульного напряжения. Нынешний рабочий — это хозяин могучих машин, для управления которыми нужны солидные знания.

На одном из снимков вы видите человека, напряженно следящего за многочисленными сложными приборами, — таков современный рабочий. Для того, чтобы командовать всей этой техникой, необходимо иметь по меньшей мере среднее техническое обра-

«Командный пункт» консольного крана.



зование. И миллионы рабочих парней и девчат заполняют по вечерам аудитории техникумов и институтов. Ведь им строить коммунизм!

...Выковываются характеры, рождаются новые человеческие отношения. Казалось бы, что появление в семье бывшего военного моряка, а ныне ерматурщика Владимира Пигунова трех близнецовых — радость только матери и отца. Но вышло так, что вся страйка с первых же дней появления малышей на свет окружили их теплом и заботой. Когда им исполнилось всего лишь несколько десятков минут, палата роддома была уже засыпана цветами. Когда их возраст начал исчисляться часами, в комитете комсомола отцу вручили ключи от новой квартиры.

А в это же время за многие сотни километров от Братска, на другой ударной молодежной стройке — «Иркутскапромстрой», — комсомольцы делали для сыновей арматурщика Пигунова специальную коляску. Ей даже дали имя — «Восток-За».

И можно ли ограничить семьи трех близнецов только лишь прямыми родственниками — бабушками, дедушками, дядями да тетками? Конечно, нет. Их семья шире, больше, многочисленней. Их родственники — строители Братска и «Иркутскапромстроя». Разве же это не замечательная черта нашего времени!

А потом на большом семейном совете шел горячий спор: как же назвать этих трех ребят, которых жить при коммунизме, для которых и сооружаются все эти ГЭС, дома, мартены, для которых и строится коммунизм? И строители решили: назвать братьев Юрием, Германом и Иваном.

Здесь рассказано о людях только одной стройки. Но куда бы вы ни заглянули в эти радостные предсвадебные дни — на заводы, в шахты, на колхозные фермы, в лаборатории ученых, аудитории высших учебных заведений, — всюду вы бы стали свидетелями необычайного трудового горения и энтузиазма. Как к своему большому личному празднику, готовятся советские люди к XXII съезду КПСС.

Нынешнему поколению советских людей жить при коммунизме — так провозгласила партия. И мы твердо уверены: так и будет. Ведь замыслы партии, ее решения и дела поддерживаются всей страной, они отражение и воплощение дум и чаяний народных.

Первое сандане: три сына, три богатыря, родились у Владимира Пигунова.



ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ— КОММУНИЗМ

Г. АНЗИМИРОВ,
Ф. РОДИОНОВ

Они уже окрепли, эти девяносто молодых тополей. Все выше и выше тянут они к небу свои кудрявые головы, все глубже и глубже врастает в землю их корни, жадно впитывая из себя живительные соки жизни. Мчат мимо молодой тополиной семьи железнодорожники, составленные из людей, подавленных от этой рощи, на станции «Москва-Сортировочная». Они везут грузов из Ставропольшины, металлоконструкции — в Братск, нефть — на Урал, строительные материалы — в Кулунду. Эшланы спешат.

Нашему поколению жить при коммунизме! Девяносто тополей. Их посадили весной прошлого года, солнечным апрельским днем, в день рождения Ильина. В девяностолетие Ленина вспыхнули перед депо «Москва-Сортировочная» девяносто зеленных фаеклов. Деревья посадили ребята из бригады Владимира Станиславича, той самой, что в канун XXI съезда партии первой в стране бросила клич: жить и работать по коммунистическим нормам! Жить по Ильину! Нынешней весной в роще стало на один тополеный больше. Он был посажен, когда страна уже ждала ожидания XXII партийного съезда.

Девяносто. Их, рабочих деревьев, три года — меньше тысячи дней. Но тем и удивительна эпоха, в которую мы живем, что ничто ломаются обычные представления о времени, что часовые стрелки, по которым человечество веками при�мко мерит свою жизнь, не поступают уже за стремительными шагами советского человека. Да и как поспеть им, обычным земным стрелкам, если Герман Титов на чудесном космическом корабле «Восток-2» за 25 часов пронесся сквозь сияние солнца и звезд?

Но меняются не только скорости. Стремительно преображается и сама жизнь.

Нашему поколению жить при коммунизме! Три года. Меньше тысячи дней. Но какими ежими были они для миллионов рабочих парней и девчат, которые свергли свою жизнь с заповедями бригад коммунистического труда!

Мы смотрели на ребят из Москвы-Сортирово-

вичкой, бережно сажавших в землю девяносто первый тополь в своем Ленинском саду. Внешне они почти не изменились, разве что взрослужка, стала чуть строже, собраннее. Но как вспоминали, стали чуть лучше, собранные.

Была бригада с кирзовыми несущими цветами волос. Это Геннадий Малков. В этом году он защитил диплом. А ведь еще три года назад Малков с трудом разбирался в чертежах. Сегодня он техник, помощник мастера. Рядом с Малковым — Александр Рапопорт, паренек с большими девяностими глазами и крепкими рабочими руками. Тогда, три года назад, Александр был просто слесарем-новичком. Нынешний Рапопорт — студент института инженеров железнодорожного транспорта, помощник мастера.

Это не исключительные случаи. Пятеро слесарей из бригады учатся в институтах, однадцати — в техникумах, восемь — в аэроклубах, молодежь. Тот, кто в экзаменно-зайтий зайдет вечером в цех, где ремонтируют тепловозы бригады Станиловича, может принять его за консультационный пункт. Постоянный гость здесь — техническая библиотека, которой раньше пользовались лишь инженеры. После трудового дня молодые рабочие разбирают формулу Остстрогадского, сообща штудируют теорему Эйлера.

Да, это становится сегодня человеку труда в старых рамках понятия «рабочий».

Раньше слесарь-ремонтник, беря в руки деталь, видел ее в виде отдельного предмета и труда, который ее создал. Теперь же деталь была нарукавом исполнителя труда, подчас даже на осмысливаемом. Теперь тот же Юрий Наумов или Виктор Горбунцов, как опытные врачи, выслушивают тепловоз, прищипывая его ремонтом. Выслушивают его сердце — дизель, проверяют нервную систему — автоматику. Рабочие ставят диагноз и только после этого снимают неизправную деталь.

Все это могло произойти без утюгания той огромной жажды знаний, которая проснулась в ребятах. Они освоили по нескольку профессий. Причем сделали это по собственной инициативе, а не по административному приказу. Но дело не в количестве профессий, приходи-

ящихся на одного работника. Овладевшая ими, Владимир Станилович и его товарищи смотрели куда шире. «Мы не можем войти в коммунизм, технически неграмотными», — говорили они.

Но разве так живут и работают только в депо «Москва-Сортировочная»? Ныне у нас сотни и сотни тысяч рабочих знают и электротехнику, и машины, и высшую математику. Они одинаково хорошо владеют и инструментом слесаря и инструментом конструктора.

Вот он, новый рабочий человек, превращающийся из исполнителя в творца. Вот они, первые итоги коммунистического труда. А ведь это лишь начало.

Нашему поколению жить при коммунизме! Слов нет, дорога труда. Наш путь идет вверх крутко. Альпинисты знают: в одиночку не добьешь горных вершин. Идеи, знания, сообща, рука в руку, суммарной, за всех, это да единого. Мы сильны коллективизмом, который был и в бурлящих артелях, где он помогал сообща тянуть баржи. В бригадах коммунистического труда действует колlettivizmом совсемного толка. Он охраняет бригаду не только от проступков, ведущих к срыву работы. Наш колlettivizm воспитывает нового человека, который не пройдет мимо чужой беды, мимо хулигана, мимо рвача.

Наш колlettivizm — враг равнодушия. Целью его является не спасение, а спасение. Анатолий Иванов проходил в бригаде Станиловича в разноборчиках. Так решая колlettivизм после того, как Иванов, работая рядом с менее опытным слесарем, не пришел ему вовремя на помощь и от допустил брак.

Или другой пример. Каков, скажем, дело было ребятам до того, что у нескользких человеков не все ладилось с учебой и они не успевали уложиться в экзаменационную сессию? Работали «хвостистые» хорошо. А учеба? Что же, учеба — личное дело. Но бригада рассудила ее так.

Но производственным собранием их началье «пропесочили», а потом сказали: «Даем вам дополнительный отпуск. Будем работать за

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС УТВЕРЖДАЯ

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Живая вода

Когда обернутое престыней тело выносил из машины «Скорой помощи», шофер сказал: «Живая вода бывает только в сказках. — Что? — не понял демурный врач. Но шофер лишь безнадежно махнул рукой.

Тревожно скжалось сердце врача Яна Кесслиса, когда его чуткие пальцы нашли на горле Ильмара. Не было слышно толчка в вене, возвестившего о том, что жизнь еще не оставила Ильмара. Путиным было ясно, что Ильмар умер. Однако Ян Кесслис понимал, что, на дежды на спасение человека почти нет. Обычно спасали 80 процентов находившихся в подобном состоянии, чтобы в таком состоянии выжить.

И все-таки Ян Янович начал борьбу за жизнь Ильмара. Он сделал одну операцию, затем другую. Шесть суток не прекращалася работа, спасающая, сознательное состояние. Подивившаяся женщина не держала шов — они разошлись, но тут же помочь врачам привели к жизни, и настало чудесное мгновение отменения к медикам.

Ильмар Путиным работал на радиотехническом заводе, в лаборатории, считывая данные, еще почти ни с кем не был знаком.

Но, услышав о его беде, рабочие пошли в больницу. Навещали Ильмара и его жену. Заводской комитет, на котором он учился, приходили друзья с презентами, чтобы поздравить. Однако болезнь неиступала. Удары сознания не прекращали. Пациенты, не имеющие связи с родственниками, обратились в комитет комсомола за водой, чтобы спассти Ильмара, необходившим пересадку.

И вот операционный стол легли сначала Иван Гудков, потом Вайра Бирце. Команды для второй пересадки пришли Андрея Афанасьевича Лайко. За них операционную пришли Николай Чичуло, Галина Сомс, Юрис Гравис.

Сейчас жизнь Ильмара Путиным в безопасности. Да, живая вода бывает, конечно, только в сказках. Но в нашей жизни замечательное качество советских людей — любовь к человеку — способен вызвать такие чудеса, которые мериут любые сказки.

Валентин СТОЛЯРОВ

ЧЕЛОВЕКА ПРИНИМАЮТ В ПАРТИЮ

Человека принимают в партию...

Кто он?

Что он?

Школьник. Комсомолец.

И работает...

Или гравя более.

Ну, какая же это биография!
Будто бы нарочно жизнь ограбила,
Обделила подпитием ратными,

Трудовыми доблестями разными...

Человека принимают в партию...

Надо бы отдохнуть, погулять...

Право на волеёст заменят!

Справивший его юнцы зеленые —
С ними было б проще и понятнее.

Но вокруг, годами опаленные,
Временем не согнувшие

Старшие,
Никогда,

Нигде не отступавшие,

Буревесами, огненными маршами

По дорогам трудным прошагавшие.

Вот они спят
И смотрят пристально,
Скромные в своей одежде будничной.
Им не надо слов трескухи,

высыпренных —
Душу всю увидят, как на бледечко.

И дадут они рекомендации

Не за отточенные панибратаe,

А за то, что был врагом покорности,

Не терпел ни пошлости,

Ни подлости,

И за то,

Что хоть и жил без подноги,

Не глядел в пути трусливо под ноги.

Некуда девать глаза смущенные...

Будто бы, довершил обрадовал,

За дела...

Быть соединенным,

Наградами высшего награды...

Чтобы, дорожа наградой этой,

Верный до последнего дыхания,

Нес ее бесценной эстафетою

Через годы,

Через расстояния —

Как знаем мы в бои горячие,

Песни — в трудовые будни жаркие

Проносили!

Вот что это значит:
Человека принимают в партию.

Владимир ДЕМИДОВ



РАБОТА

Работать — так до пота,
До темноты в глазах.

На зарастает работа
За работой, а за страх!

Работа, что с расщепта
До сумерек родит

Шахтера и поэта,
Железо и гранит.

Пускай усталы лица,
Глаза красны, как медь,

Зато металлу ляпнись
И угло пленением.

Примеся все щедроты,
Идешь в мороз и зной,

Хмелешь от работы —
Позори земной.

Александр КУНИЦЫН



У СТАНКА

Включил станок лариншка-токарь
В спокойствии с пятнами маузы,
И со станка пошли потоком
Закованные в сталь минуты.

Минуты проходить положено,
И их остановить нельзя.

Но у станка минуты прожитые
Ты даже в руки можешь взять.

Елена НЕСТЕРОВА

ДОРОГАМ



Сколько раз я ругала вас, наши дороги,
И халка ваша пыль, запну скользкую грязь.
Сколько раз у трехточника с шифером мы дрогали.

А машину, казалось, с землей срослась...

Почему же мне опять не сидится на месте?
Захотелось скорее уехать в село.
Караидчи на листе календарного наметил
Новый выезд в район на шестое число.

Мне сегодня без ветра дорожного душно.
Смышу песню, что под моя товарищ-шифер.

Так приносим, дорожники, старую дружбу.

Я хочу с головой окунуться в простор!

Да, бывает, на вас поверну я немного.
Да, бывает, позади я, но это прийт...

Я люблю вас, я очень люблю вас, дороги,

Потому что меня вы водите вперед.

вас — в деньгах не потеряете, но с «хвостами»
в день не приходите!»

Экзамены были сданы.

Таково силе коллектива. Мы строим коммунистическую страну, где рабочий человек коммунистического общества не может быть такой черты, которая не сливается с жизнью коллектива.

Дав съезд... Между ними всего три года. Но как резко они изменились судьбы людей! Рабочие стали студентами, новички — мастераами, комсомольцы — коммунистами. И все это вмещается в одно емкое понятие — коммунистический труд.

Три года назад Владимир Станилович и его товарищи были одними из первых, кто начал и развернуть движение по изучению коммунистического труда. Станилович и его команда из тысячи человек. Это значит, что такие же замечательные изменения происходят в жизни рабочих ребят повсюду: в Абакане и Кирове Роге, на строительстве Западно-Сибирского металлургического комбината и в Братске, в Чебоксарах и на Магнитке, в Целинном крае и на далекой Камчатке.

Крепнет и развивается движение за коммунистический труд. Молодые скручивающие работают под лозунгом «Сегодня — рубеж новаторства, завтра — рубеж коммунистического труда». В Баку в конференции Наркомвнешторга района рождается новая коммунистическая заповедь: «Тепло своей души отдать труду». Ленинградцы борются за выполнение семилетки в пять лет. Латышский комсомол обязывает войну потерпеть. Уже не бригады, а цепи смены, цехи, предпринятия заявляют звание коммунистических.

Растет, набирается сил движение, вспыхнувшее в историческом депо, растет и неодимо тянется к солнцу ленинскими тополями рощи. И вот, сажая нынче девяносто первые тополи, ребята на бригады Владимира Станиловича задумались: а чем встретят они XXII съезд?

Вений ветер ласково перебирая молодые лиственчики тополей. Апрельские солнце весенню пригревало истосковавшуюся по теплу землю. Его лучи весело сияли в окна новых многоэтажных домов, совсем недавно поднявшихся на этой бывшей окраине. А где-то по московским улицам уже ходил и улыбался своей удивительной улыбкой первый космонавт мира, их сверстник Юрий Гагарин.

Все в эту неподготовленную пору было насыщено ожиданием больших свершений. И вот, выступая в Грузии, Никита Сергеевич Хрущев сказал, что Программа партии, впервые построение в нашей стране социализма, выполнено полностью и что XXII съезд примет новую Программу — программу построения коммунизма.

Коммунизм... О нем много думали, спорили, мечтали. Так было в те дни повсюду. Это волнение сплело, казалось бы на первый взгляд, совсем разных людей. Тогда-то и произошла встреча бригады с виднейшим экономистом, ученым с мировым именем, академиком С. Г. Струминским. Крупнейший теоретик и рабочие говорили о коммунизме.

Вот выдержка из этого первого разговора бригады.

С. Г. Струминский: Мы знаем из выступлений Никиты Сергеевича Хрущева, что будет принята новая Программа партии. Она будет предусматривать построение коммунистического общества. И мы задумываемся над тем, как же нам, рабочим, начинать конкретную борьбу за перестройку общества. Мы понимаем, что должны добиваться максимального подъема производительности труда как путем к изобилию.

С. Струминский: В вашем замечательном почине есть не одна только борьба за высшую производительность труда, что было в приемах формальных социалистических. У вас три линии: производство, стремление жить по коммунистически. Правда, учиться и повышать производительность надо и при социализме. Значит, что это еще не коммунизм. Но когда мы говорим о том, что вступаем в фазу реального построения коммунизма, то здесь больше всего обращает внимание ваша третья заповедь — жить по коммунистически. А это, конечно, не только соблюдение элементарных требований величины и общественных приличий или даже так называемых «правил хо-

Молодой
КОММУНАР

рощего тона: не чавкай за едой, не повторяй сплетни, не подражай разинченным стилям! Все такие правила общежития, несомненно, разумны. Но этого маловато на подступах к коммунизму. Согодня мы должны бороться за высшую человеческую культуру. А она предполагает не пакости в обществе, ее элементов, а варварство в них. Мы не утолимся. Мы понимаем, что и в условиях коммунизма сразу изучим все эти уродства. Правда, за обиженных материальных благ и высокими уровнями жизни всех тружеников сразу же исчезнут поводы для наибольшой массовой категории преступлений против собственности. Однако и после этого останется еще немало человеческих страстей: и зависть, и гнев, и любовь, и равнодушие — толкающих людей на путь преступлений. Но нам уже ясны пути дальнейшего изживания.

В. Горбунцов. Правильно. Народные, и через тридцать лет, и через пятьдесят будут люди, которые будут допускать преступности против общества. Но это не страшно, если нарушители зарядят правильную реакцию коллектива. А за эту реакцию, за условия, которые воспитывают человека коммунистического общества, мы должны драться уже сегодня. Тогда все преступники будут известны коллегам, и это наложит отпечаток на поведение тех товарищей, которые еще не хотят по добре воле придерживаться рамок общежития. Они будут вынуждены уважать их, считая, что уступают силе коллектива, а потом уже это возрастет.

С. Струмилы. Да, в условиях коммунизма отпор преступным страсти, в любом коллективе неизбежен. Люди, решившие работать и жить по-коммунистически, не могут оставаться равнодушными к обидам и горю своих друзей и не потерпят в своей среде злостных обидчиков. А средств общественного воздействия на таких обидчиков, даже помимо мобилизации, когда она станет излишней, будет более чем достаточно. Бригады коммунистического труда уже теперь не только за пьянину и за воровство, зарушение коммунистических морали любого из своих сочленений приводят к порядку, объявляют об общественное порядование, исключают из своего состава.

Нам надо дорасты до такого уровня, при котором клеймом позора будут отмечаться все те члены сообщества, которые из трусости или постыдного равнодушия оставляют без дружного осуждения, а в случае необходимости и физического воздействия все хамов и насилиников любого sorta. Таким образом, условия коммунизма дают хулиганам страсти и людей могут быть сажены в тюрьму при достаточно тяжелом уровне культуры и сознательности в стране.

В. Станилевич. Мы и боремся за такую сознательность. Новое отношение к труду привело нас к тому, что распределение работы, например, производится в бригаде не мастер или другой какой-нибудь начальник, а сам рабочий. Началось это с одного интересного случая. Однажды я, планируя задания, наметил к ремонту три тепловоза, а на четвертый рабочей силы не хватало. Тогда рабочие сами так перераспределились, что получила начата ремонтная работа четвертого.

Теперь на планерке я называю только сроки сдачи машин. А рабочие уже сами решают, кому что делать. И распределяют не хуже, чем это мог бы сделать командир производства. И это не удивительно. Ведь у нас каждый второй рабочий прошел стажировку в помощниках мастера и с успехом может работать бригадиром.

С. Струмилы. Это очень интересно. Именно об этом писал Владимир Ильин в работе «Государство и революция».

Он предсказывал, что, когда все научатся управлять общественным производством, будут самостоятельным источником, и учит и контролирует творца, бригад, машиностроителей и тому подобных «хранителей традиций капитализма», необходимость соблюдать несложные правила всякого человеческого общежития станет очень скоро пропылькой.

И тогда, писал Ленин, будет открыта настекло дверь к переходу от социализма к коммунизму.

Долго продолжалась эта беседа ученого с разведчиками будущего. Они спорили о дальнейшем развитии движения за коммунистический труд, о городах будущего, о воспитании подрастающего поколения.

— Мы считаем у вас недостаточным, как это было в социалистическом соревновании, учиться, выполнять производственные нормы.

Необходимо учиться и творческим

образом, и творческим способом.

Бригадный рабочий говорит о том, что любое нарушение норм социалистического обще-

во гудел в стальных переплетах краин. Под яростным натиском урагана одни из них, не выдержав, разваливались и мешкали поломаться под рельсами. Алла первой заметила это и что есть силы пригнать:

— Конь-броня!

Но голос ее поглощал в реве ветра. В голове молнией пронеслась мысль: авария неминуема! Кран набирал скорость, и вспышка ярости, подобная стрелам стрельбы, Вот-то он рухнет на стены уже поднявшегося над землей дна! Но конь-броня, несмотря на гигантский труд, погибнет мощная машина. План стройки будет сорван.

Надо было задержать эту грохочущую машину, не позволив ей разбрызгивать снаряды захваты на рельсы, стягиваться занавесами их. Но было поздно. И вспышка ярости, подобная тогда девушка, поднявшись обломки досок, металлические бруски, начала бросать их под ноги.

Из черной кнутящей тучи, за крымашьей полнеба, почесывая грудь, души синими языками, полые от синевы, синие. И Алла предположила бросать под ноги все, что попадалось под руку. И вот наконец стальной гигант машины, вспыхнув, взорвался. Кран ударился о металлические бруски, начиннулся и остановился. Многометровый труд десятков людей был спасен.

Девушка и ураган

Каждое утро эта хрупкая девушка носила в большом бронзовом рюкзаке, берет ключ и легко взбирается по стальной лестнице в набыю своеего крана.

Она нежная, как цветок, и, ей бы и работать где-нибудь в цветочном магазине. И лет сорок назад, в далеком 1940 году работала на кране.

Правда, на стройплощадке народные строители были виноваты. Аллы начали посыпались. Но недавно произошло событие, которое сразу изменило отношение товарищей к Алле. На кране, вспыхнувшем в урагане, Сильный ветер обрушился на электропровода, неистово

но ответы на эти и многие другие вопросы, которые волновали в те дни всех, были даны в историческом документе — проекте новой Программы партии.

«Партия торжествует!» провозглашает: «Нынешнее поколение советских людей будет жить для коммунизма!»

Нет, не забудется этот воскресный июльский день. Не забудутся люди с устремленными глазами в руках, радостные, зевлоновленные до глубины души. Ведь в проекте Программы воплотились все человеческие мечты, мечты поколений...

И вот мы снова в том самом дне, где сорок три года назад железнодорожники, на первом коммунистическом субботнике, «великий первый» — так назвал его Ленин. Он увидел в этом субботнике практическое начало коммунизма и с генеральной прозорливостью предвидел поддержку пролетарской государственной власти, ростки коммунизма не зачаты, а разрастутся в полный коммунизм».

Сбылось предсказание Ильиной! Настал день, когда рабочие исторического дела вместе со всей страной, волнаясь, обсуждали планы новой партийной Программы — конкретный план построения коммунистического общества.

Рабочие говорили о коммунизме.

— Партия уверена в том, что мы воспримем новую Программу КПСС как свою родную, кровную, дело, как саму свою жизнь. А как же иначе? Мы понимаем, что коммунизм не упадет, готовимся с небес. Он движет наше поколение руки, нашего разума. И мы отважимся партии: коммунизм — это наше конкретное производственное задание...

Так звучали мысли своих товарищей по бригаде, говорил Владимир Станилевич. А минуту спустя в красном уголке прозвучало: НАЧАМ СОРЕВНОВАНИЕ СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА ЗА СКОРЕЙШЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ ВЕЛИКАЯ ПРОГРАММА ПАРТИИ.

Слово просит слесарь Никита Никитович Широков, отдавший тридцать шесть лет родному дому.

— Мы считаем у вас недостаточным, как это было в социалистическом соревновании, учиться, выполнять производственные нормы. Необходимо учиться и творческим образом, и творческим способом. Бригадный рабочий говорит о том, что любое нарушение норм социалистического обще-

жития, нечестность в труде и жизни следует рассматривать в соревновании как сырьё производственной программы.

Рабочие говорили о коммунизме, говорили о ком труда, без которого они не мыслят себя свою жизнь.

В. Станилевич. Мы обещаем партии бороться за самую высокую в своей отрасли производительность труда. И достигнуть этого к концу 1963 года.

А. Рапопорт. Вступая в соревнование, мы обещаем партии, что через три года каждый рабочий бригады овладеет инженерными знаниями.

А. Лисинский. Мы должны разработать и внедрить приспособления, которые механизируют трудоемкие процессы на ремонте тепловозов. Для этого необходимо создать в бригаде общественно-конструкторские группы.

А. Акуниным. При подведении итогов соревнования обязательно надо учитьывать, как выполняется принцип «каждый за всех, все за одногого».

Один из других складывались пучты новых обязательств. Бригада Станилевича вышла на соревнование строителя коммунизма своих товарищей по цеху — бригаду Буракова.

Так началась в день боя борьба за превращение в жизнь новой партийной Программы.

Соревнование, учитывая не только один проценты, а весь моральный кодекс строителя коммунизма. Разве не в этом новый этап в развитии движения разведчиков будущего! Найти его, следить первый шаг по-новому рабочим дедо, так же как и всей стране, помог проектировщик новой партийной Программы, словно яркое солнце, освещавшее наш путь вперед.

«Радостный с собрания, Владимир Станилевич, ныне делегат XXIII съезда КПСС, Анатолий Лисинский, Геннадий Михаил, шмыгли стоянью, смеясь, пронесли соревнованием их отчелюши, когда, на первом субботнике. Шли между досок, на которой записаны на заповеди, что были приняты три года назад. Они шли Ленинскую тополиную рощу.

Минуты годы, десятилетия. Молоденцы тоже возмущают, превратятся в могучие деревья с густыми кронами. И это будет уже при коммунизме, приход которого так же неодолим, как рост деревьев, как смена ночи и дня.

Об этом конкретно, просто, ярко говорится в проекте новой Программы партии, которая через несколько дней будет утверждена историческим форумом великой партии коммунистов.

Нашему поколению жить при коммунизме!

Королевский



АТЕР был отдан действительно по-королевски.

Стремительный на ходу, великолепной обтекаемой формы, с бронзовыми поручнями вокруг белоснежной палубы, он привлекал и радовал глаз. В его просторном салоне стояли подковообразные диваны, обитые тисненой коричневой кожей, мягко и тепло, словно лесное озеро, мерцал пиниано, круглые зеркала напоминали иллюминаторы, а иллюминаторы походили на сияющие зеркала. На высоком туру-санке, брошенном в воду, было написано: «Стрела».

«Стрела» принадлежала бригаде плотогонов, возглавляемой Федей Бурсенцовым. Я знал, что бригада купила «Стрелу» на Леоногорской верфи. Плотогоны половины денег уплатили из своих премиальных, а половина вносится в рассрочку. Знал я и то, что катер этот строился по особому заказу и попал к плотогонам случайно. Мне было известно, что жители лесного рябья называют катер не «Стрелой», а «королевским». Королевским? Почему? Вот этого я и не знал.

Мне хотелось выплыть из маленькой тайны у Феди Бурсенкова, и я искал подходящий момент для разговора. Но Федя говорил о чем угодно, только не о катере, и откладывал это на потом.

Мы сидели в салоне у шахматного столика, прудившемся сизовиной из раскрытий иллюминаторов. Бурсенков не прошел еще и четверти века, и поэтому кажется странной его тяжелая, толстая фигура. Массивное лицо Феди лоснится от пота, но широкой чугунной спине морщится спиревая рубашка, черные остроногие туфли еле дергатся на больших ногах.

Федя смотрит в иллюминатор и говорит звонким окаймленным баском:

— Нашего ряда деревенской пльмет...

«Стрела» летит вдоль обрывистого берега, сосновый берг струится зелеными волнами, хоплы пени шипят и гаснут на бревнах проходящих плотов. Буксиры тянут гигантские плоты, сопровождая косяки приплывавших и шныряющих в воде.

Наша деревенская пльмет... с удовольствием повторяет Федя. — Мы ведь миллиончик кубиков в сезон сплавляем. Вот как...

Над нашими головами куют каблуками, шаркат подпирают, танцующие пары, в иллюминаторах врываются звуки вальса «Амурских волни». Сегодня воскресенье, и вся бригада поехала на гулянье. Я вижу, Федя хочет на палубу, к девушкам, к парням, но ему неудобно оставит меня в одиночестве. И Федя продолжает:

— Для вас все эти ели, сосны, пихты, может быть, всего лишь пиломатериалы, а для меня... Да что там говорить! Для меня не существует никакой «деревенской пльметы», «шпармы». Галилея-ка на этот плот. В нем и ель музыкальная, и береска азиатская, и сосна мачтовая. Вот они, елки-палки, плывут, а я закрываю глаза и вижу...

Федя сжимает веки и взмахивает рукой.

Скрипача вижу, как он на скрипку смычком обручивает, вижу. Как скрипка теперь начинает, слышу.

Массивное лицо бригадира морщится в мгновенных ульбках, короткие пальцы скрываются и разжимаются, будто захватывают незримый смычок. Я откровенно любуюсь им и все-таки думаю: «Почему королевский катер? Эту загадку надо разгадать. Секретная раскрыта тайна — это и познанный мир и человеческая душа, открывшаяся какой-то новой трещиной».

Или вот еще, — снова удивленно и восторженно говорит Федя. — Пассанжирский лайнер режет океанские волны, на него наливаются тучи, а мачты распахивают их, и не согнутся они под любым ураганом. Мачты-то из наших, из вятских, сосен, а мы величаем их «хлыстами». Почему писатели много ругают словесной щепой?

Сочиня, румяная ульбка появляется на крепких губах Бурсенкова, в его больших шоколадного цвета, глазах. Он опять смотрит в иллюминатор на речные гравитические волны. В каждой волне сияет по солнцу, над рекой метет бесшумную метель из бабочек-однодневок. Над Вяткой прошла гроза, и волны становятся зелеными, трепещут силой собственной смелости и черемухи.

Почему вы каждое слово тапите в строку? — не унимается Федя. — Или же пишете пышно, но холодно. Почему никто не напишет про зажат: «Земля закатилась, и стало темно»? Было быказано и точно и здорово! А я вот читал о «лучезарном» будущем и вижу один сладенький розовый цвет. Так вот, представляю я себе эту «лучезарность» и думаю, какая же это отвлеченный, негреющий символ! Для меня обмыкновенный лапоть символичнее какой-нибудь розоватости...

— Какой лапоть, Федя? При чем тут лапоть?

— Наш, вятский лапоть. Вятские раньше не ссыпали зерна в лапоть, а в зернах в глаза не видят. Кстати нам для спектакля лапти понадобились. Обратился я к старому мельнику Панкратчу. А он: разумелся, говорит, лапти пласти. Пришло ему пол-литра ставить. Так я, бригадир бригады коммунистического труда, старину память водкой восстанавливай. И смешно грешно!

Дверь салона приоткрылась, в полутемном проеме появился девичье лицо, окаймленное легкими, пышущими, как соревнующий одуванчик, волосами.

— Федя, ты скоро?

— Сейчас, сейчас.

Катер резко повернулся, солнце ударило через иллюминатор на бледную дверь, и девушка вспыхнула от тутфель до волос. Прислонившись к глазам, она покачнулась дверью, но было слышно, как ее каблуки пересчитывали ступеньки палубного трапа.

Федя с трудом подавлял радостную ульбку и, словно отвлекаясь, мое внимание от про-

Катер

Рисунок В. МИХАЙЛОВА.

мелькнувшей девушки, стал развивать свою мысль:

— Так вот, о лягушах. Недавно у нас нашли любо-пытливый документ о Найдленде, бывшем Петербургском коммерческом ведомстве. Петербургское коммерческое ведомство заказало вятскому земству триста тысяч пар лягушек для российских кремеров. Здорово, а? Триста тысяч по найдлендой! Вот вам самая обыкновенная бумага, а кажется невероятной выдумкой. В ней все: и горькая правда, и такая же горькая инасмешка, и кандалы, и звон, и вятская промышленность до революции! А теперь наши лягши наийшли разве что в музеях. Значит, то, чего уже нет, тоже отличный сюжет для коммюнике. Только все это придумую, позову кого, скопирую, спрашиваю, нужно стоять на лягушками прошедшее и настоящее. Тогда застращенное станет еще выпускнее, конкретнее. У меня слабость — все воображать и видеть в яркообразном. Иначе я не могу, не умею.

В иллюминаторы проскальзывают робкий, вярдающий зов воды, на берегу мертвыми осмынготами ввалиются древесные пни, все возможные тени плывут в реке. Плынут тени чехемух, шинопинки, зеленообразных валунов, ржавых якорных цепей, черные и красные щары бакенов, все это движется, показывается и плавает, плавает.

Каждая точка в красном разворачивается, превращается в берег, гужий, задорный, тот пот раздается на палубе, песни и смех отглошают реку. Молодежь растворилась между сосновами, чье мощное гудение наполняет са-

лон, как морской прибой. Мы тоже сходим на берег. Федя легко выше сию могучее тепло берегу, в кустах чехемухи, над развернутой скатертью хлопотала молодая женщина. Ее трехлетняя дочка сидела на водичной курке и громко разговаривала с оскаленной беззубичной мордой:

— Вольк, вольк, ты меня не укусишь, тебе можно погладить? Принеси тебе хлеба? Ты почему долго спал? Вчера спал, сегодня спишь, а я уже встала! Искадания, Искадания! А вертолет до того завертелся, что тоже уснул. Хоп, хоп, вертолет завертелся! — поет. Вольк, вольк, какая же ты собака кукачай! Искадания, Искадания! — Девочка поднялась и завертелась на курке — веселая, живая волк.

Федя сорвал чехемуховую кисть и подошел к девочке.

Как тебе звать?

— Девочка Валечка.

— Ты что любишь, девочка Валечка?

— Маму, папу, печенье и конфеты.

— А вот это тебе. — Федя протянул чехемуховую ветку. — Цветы на счастье.

Девочка восторгенно закричала:

— Мама! Мама! дали кисточку счастья! Искадания, Искадания!

— Брось ты петь свою «Искаданию»!

Мать ее схватила за разгоряченную лицо. Через час будто готова окунувшая уху. Вам еще погладите немого.

С обрывка открывался удивительный вид

на левобережье, затянутое дубовыми рощами, темными, сорвавшимися травами, сечатой

наутикой вечернеющих лугов. В далекое озеро опускалось солнце.

— Земля закатывается, — повторил Федя полобицкую фразу и вдруг без всякой связи сказал: — Новое всегда неожиданно. И новое требует неожиданных слов. Мы же так быстро привыкаем к новому, что перестаем его замечать. Возьмем, к примеру, ребят из нашей бригады. Кто такие? Мы дети пастухов, багровых, запотников, но в нашей крови течет сок, который горит кровь земли и жизни земли. Это не голубая жижница бывших дворянских смылок.

— Искадания, Искадания! — нежно и тонко ликовало в кустах.

Федя раскокатился, запрокинув громадную косматую голову.

Ах, черт их побери, этих исколпаемых революций! Они нашего Юрия, простого русского парня, первого космонавта, величают племянником: князя Гагарина. Точь-в-точь, как в анекдоте: здравствуйте, я ваш дядя! Юрий Гагарин — родственник Николая Второго, его прическали к царской династии! Постойка, постойка! А ведь в этом есть какой-то особенный символ...

Федя поднял руки и сложил их на затылок, видянув ширеп локти. Он возвышался над обрывом, высокий и сильный, как зеленый осокор, и не спеша, с манилового солнечного крыла, уходящего в озеро.

— Король уходит, народ остается, — посыпал на землю заговоры он. — К сожалению, еще остаются и живут в нашем языке мертвые слова. Вот купила наша бригада великолепный катер, ездит на нем на работы, на прогулки, на пикники, а называют его «королевским». Но призываются им «Стрела», да и только! Я и ругаюсь с ребятами и смеюсь над ними — ничего не выходит. Живу прочкаяя старина.

— Да почему же у вас катер «королевский»? Почему? Не понимаю! Объясните, пожалуйста...

Федя лукаво сопутился.

— А катер у нас действительно королевский. Его заказывала для себя королева одного азиатского государства. Наши судостроители постарались, отстроили для королевы катером что-то вроде Альбатроса, — отказалась. Известна телеграмма: «Благодарим за элегантность выложку от отказа». Да трудно стало жить королям на плащете! А вот наша бригада катер понравилась, мы его и купили.

— Действительно символично...

Над нами пролетел истреб, левоко взмывая, отжалевшиими за дены крыльями. В лесу перекликались ребята. Где-то за кустами раздался призывный девичий голос:

— Федя, ты скоро?

По Феде медленно проплыли плоты, их тени дремали в воде...

М О Р А Л Н Й К О Д Е К С У Т В Е Р Ж Д А Й

Молодая Гвардия

Если бы каждая
девчонка...

У Тамары Ясыревой всегда сбываются мечты. Захотела стать строительницей — стала строительницей, что-то наизнанки мастерит — на том самый участок, где она работала еще ученицей — сбылось и это желание. Счастливый человек Тамара Ясырева!

Но что, тут Дорогу преграждают сажевые... Растут на музыке, которая из земли и больше половины растила! У Тамары белеют от волнения губы, и она буквально силой вытаскивает из кашля:

— За реноидами, гониши? Бригада националь грамми экономит, а ты...

Подожди, я тебе скажу...

Шофер не спорит, не оправдываетя. Что, и, виноват... Только бы не слышать этого помного, неподвижного голоса.

А Тамара уже бежит дальше. Удивительное дело: никогда день не хватает на то, чтобы... Вот и сегодня она сияла только холодным ироничным и все равно еле успела побывать в кабинете, покрасившем ее сердце: ссоры с бригадиром не миновали. А явно ли Малахов был для нее непрерывным испытанием.

Правда, Тамара успевает подобрать слова, которые скажет Алексей Федорович, она становится с ним на ту же волну, что и он.

«Не поделил бы голос», — думает Тамара и говорит:

— Алексей Федорович, прощайте на сюда.

— Что спичники? — спрашиваетсяbrigadier, но идет за ней следом.

Тамара покашивает на батарею.

— Тамара, работа на годится. Надо приводить в порядок.

Бригадир смотрит на нее, ман будто впервые видит. Потом проводит рукой по радиатору, смотрит на землю и вспоминает: Наконец-то ушел! Вот он выпрямляется и, как всегда, резко говорит:

— Тамара, я тебя жду...

— Алексей Федорович, поймите, это же бранд.

Все в словах brigadiра звучали понирательственные нотки. Тегерь он отвечает так-то странно и зло:

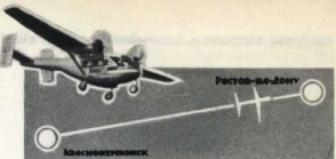
— Ну, знаешь, если наяды девочки... — Бросает, покрасневши и уходит. Тамара замирает. Тамара замирает. Медленно спускается она по лестнице сердитым голосом brigadiра:

— Отите, на второй этаж наамазоны! Сейчас же радиаторы перекраиньт!

Она счастливо улыбается. Тамара берет дальше...



МВС-НАДЛА Венчай



В ГОСТИХ у ШОЛОХОВА

Итак, встреча с Шолоховым назначена в Ростове на час дня... С чего же начать беседу? Каким будет наш первый вопрос? Мы обсудили десятки вариантов и тут же отвергли их. Кто-то сказал нам, что Михаил Александрович не любит давать интервью... В конце концов решили: пусть первый вопрос подскажет сама встреча. С тем мы и входим к Шолохову.

— Здравствуйте, ребята! Здравствуйте, дорогие! — Михаил Александрович идет на встречу, погротечески, крашко-кряко, обнимая каждого из нас. — Что остановило вас? Давайте расскажемайтесь!

Мы знаем, что Шолохов —

страстный любитель авиационных путешествий, и ставим на стол модель нашей «Пчелки» — точную копию самолета, один из которых стал первым в мире. Это подарок, который мы привезли писателю от самолетостроителей.

— Спасибо. Большое спасибо.

Михаил Александрович ставит модель на самом видном месте и закрывает. Мы тут же переглядываемся между собой: Шолохов курит обычный «беломор», а не свою знаменитую, знаковую нам по фотографии трубку.

— Это хорошо, придумано — привезли модель, — но не странно, боевое у вас дело Ну, рассказывайте, что видели.

И вместо того, чтобы расспра-

шивать писателя, мы начинаем отвечать на его вопросы. Мы рассказываем о том, как идет битва за хлеб на Украине, о людях, с которыми встречались на селе. О ребятах — стронителях криворожской дамбы. О том, что творится в Северном Крыму, природу которого решено переделать раз и навсегда.

Шолохов слушает, чуть-чуть покачивает головой. Иногда он кивает головой, словно одобряя говорящего. Видимо, уметь слушать других, впитывать в себя не только слова, но и самый характер фраз — одно из замечательных черт писателя. Порой Михаил Александрович задает вопросы. При этом он щурит глаза, и от них во все стороны разбегаются морщинки.

— Вот как это рассказывается, так и напишите в «Смене». Пишите о человеческих радостях... их очень много. Пишите и о трудностях... и они ведь есть в жизни. Писать надо всегда предельно честно.

Разговор заходит об отношении к жизни, к труду. Мы рассказываем, что нас особенно обрадовало во всем — с комсомольцами:

— Там у каждого неуемное стремление соревноваться, что-то особенно хорошее.

— Не расплескайте этой темы, — советует Михаил Александрович и добавляет, что тема творчества, свободного творчества советского человека, должна быть одной из основных в молодежном журнале.

Беседа касается творчества молодых писателей и поэтов, а затем незаметно разговор переходит на творчество людей техники — создателей самолетов и кос-

мических кораблей, электронных машин и атомных электростанций.

— Будущее техники — в сплаве опыта старших и творчества молодежи, — с каким-то особым выражением говорит Шолохов и бережно гладит полированые плоскости «Пчелки».

Вот он останавливается около письменного стола и смотрит на скрипичную ложающую там рукопись. Потом начинает рассказывать, что готовят сейчас для юбилейного собрания своих сочинений. Девятиномки, двухсоттидцатистятымки, тиражом выйдет в будущем году в приложении к журналу «Огонек». Значит, мы вновь встретимся с Шолоховым, с его героями.

Разговор переходит на тему о дальнейших планах полета.

— Хорошо бы нам вместе слетать в Вещенскую... На «Пчелку».

— Но у меня уже распланированы эти дни, — говорит Шолохов и приглашает нас приехать в Вещенскую деревню через два дня. Он обещает показать нам с кузнецами, со столярниками, показать, как они живут, как бурно прорастают на доинских землях ростки коммунистического...

Он рассказывает нам и о том, как гневно восприняли казаки наглые провокации заложников политиков и вояк. О том, что в любую минуту качество готово «рудью» встать на защиту Родины.

Большинство часов, стоящих на полу, были половины третьего. Мы профутили у писателя ровно полтора часа.

— До свидания, Михаил Александрович. Спасибо за беседу.

До новых встреч с тобой, наш любимый писатель!

«ПРОИСШЕСТВИЕ» в воздухе

— Что случилось? Калинин, всегда охотно отвечающий на наши вопросы, на этот раз даже не поворачивает головы. Согреточенное лицо непроницаемо.

Мы смотрим на приборный щиток, стараясь высчитать, что же произошло. Прибор веет себе причально. Крен, высота, скорость — все как будто в порядке... Снова приподняла легчики, но отвес не получила. И только после приземления в Росто-

ве-на-Дону наш пилот улыбнулся и сказал:

— Вот теперь готов отвечать на ваши вопросы... — и это же случалось... Рацца выплыла из строя. — Значит, летели без связи... Да.

И тут мы услышали, что, когда на нашем самолете отказалась рация, об этом стало известно по всей трассе. В эфире от аэропорта к аэропорту летело: «Куда идет «АН-14», — передаю «Пчелку». «Принял, принял», — неслось в ответ. И уже всем встречным само-

летам: «Внимание, на встречном курсе «АН-14»...»

Бережно, словно дорогую и хрупкую вещь, передавали аэропорты наш языческий слуха и языка воздушный кораблик.

Быстро прибыло в ближайшую аэрокомпанию радио, и можно проследить путь... звонкова Калинин. — В Вещенскую поспешно отскочил Да, мы очень хотел слететь в гости к Михаилу Александровичу Шолохову. Но тут же, на аэропорте, выяснилось, что придется не лететь, а ехать.

— Михаил Александрович

сегодня прилетел в Ростов, — сказали нам.

на воздушной столбовой дорожке

После запомнившейся каждому из нас на всю жизнь встречи с Михаилом Александровичем Шолоховым мы лежали куря на Кавказе.

Быстро движется по центру ферроплату стрелка высотометра, 2 400 метров...

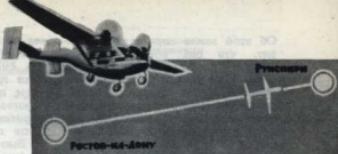
— Сколько же мы будем лететь вверх?

— Еще на сто метров поднимемся, — отвечает Калинин. — Но можем и гораздо

выше. Потолок у нас солидный — пять с половиной километров...

Каждому из нас не раз приходилось пролетать по трассе Краснодар — Адлер. Тем не менее нас не покидают страхи, связанные с новизной. Ведь «Пчелка» никогда еще не летела над городами. Кто повернет она себя в зоне интенсивных вертикально движущихся воздушных потоков? С своеобразное «боевое» крещение машины проходит спокойно, без всяких приключений. Словно в настенном ожившими большой болтанки, «Пчелка»

ОХОТНИКИ ЗА ОБЛАКАМИ



Каждый раз, когда в старину не было еще изобретено и тем более преодолеть какое-нибудь явление природы, они обращались к Богу. Снискрившаяся эпидемия, засуха нещадно пакала поля, молния убивала человека или поджигала дом, генитальный град бил сады, ломал ветви деревьев, а люди в отчаянии обращались к Богу, устраивали молебны, крестные ходы с иконами и писаницами.

Но, как говорится, Бог с ним, с богою. Может быть, что-то можно привлечь в помощь природы, могут ли управлять ее процессы. Успехи современной науки так велики, что человеку начала нынешнего века они показались бы фантазией.

И тем не менее, когда речь заходит о погоде, об управлении погодой, мы не можем утверждать, что победили ее так же, как эпидемию, молнию или засуху. Когда заговорившие об этом с учеными-метеорологами, они отговаривались, что в своих науках все-таки склонялись.

Но вот один лишь знаменательный факт: в нынешнем году при Министерстве сельского хозяйства Грузинской ССР создана противоградовая служба.

Ее, кто побывал в Алазанской долине Грузии, никогда не забудут этого чудесного уголка. Окруженный с трех сторон горами, вершины которых сладко пахнули тонкими акациевыми красками, долина покрыта виноградниками. На склонах гор и на равнинах разбросаны селения, называния которых широко известны по маркам знаменитых кахетинских вин — гордости жителей этих мест. Много труда, искусства и многолетнего опыта вкладывают кахетинцы в свои виноградники.

Плавает над покрытыми зеленым ковром каменными горбами, над крутыми уступами и нагромождениями скал, как тохой воде, не шелохнувшись.

Самолет идет не снижение. Чем меньше высота, тем отчетливее извивающаяся лента приборов, пенные дрожжи за кормой гаиссы и море из ярких, ярко-зеленых в зелени корпуса самолетов и помох отмыка. Кахетия, побережье превратилось в проптанувшийся на сотни километров пляж.

Высоко над нами и скобу то и дело проходят мощные



Об этом земле справедливо говорят, что она обильно полита кровью и потом многих поколений.

Было бы наивным думать, что природа всегда щедра и благословна в виноградарям и виноделам Алазанской долины. Горы здесь не только живут в Ахалцихской пейзаже, но и только защищают от коварных ветров, но и место, где образуются огромные по своей мощи кучевые облака. Сплюза в долине, эти облака нередко обрушиваются на виноградники губительными потоками града. Град здесь — стихийное бедствие, причиняющее огромный урон народному хозяйству. В прошлом году, например, только в одном Гурджаевском районе, учтенный из расчета на дождь составил десятия миллионов рублей. Потом не только южный виноград — многие из азов не дали ягод, и в этом году.

Почему природа облюбовала этот прекрасный, плодородный уголок для столь жестокого проявления своего гнева? Может ли человек что-либо противопоставить природе, переделать ее, подчинить своей воле? Ведь если засуху можно избежать, то и града можно предвидеть и низкую облачность над аэродромами можно в крайнем случае и переждать, то как защищаться от града? Нельзя же построить над полями гигантскую крышу или воздвигнуть высоченную стену на пути облаков.

Эти вопросы волновали во многих ученых. Но, может быть, первым пришел к сердцу Амирян Карцивадзе: Кахетия — это родина, родина его предков.

Всему лет назад Амирян Карцивадзе, тогда еще аспирант, с небольшой группой студентов отправился на первую экспедицию в эти места. Тогда была разведка, имевшая весьма скромную задачу: выяснить настрем поверхности земли на горах склонов с этого, собственно, и начинается склонение, то есть, увлекающие вперед валуны и образующие облака. Нет, никто из участников вынужденной Алазанской экспедиции не возмездил на себя смелость заявить, что он первооткрыватель в исследовании кучевых облаков и методов борьбы с градом, так же, как никто не может сказать, что он до конца понял тайну кучевого облака.

В кучевом облаке, этом любопытном явлении природы, доиступающем девять — двенадцати, а в тропиках и шестнадцати километров в высоту, постоянно бушующем, подобно гигантскому кинескопу, мукуту, современной науки известно далеко не все. Человеку в глубь кучевого облака проникнуть опасно. Летчики знают, что его нужно оходить с тыльной стороны, ибо, если сблизиться с облаком, то, вероятно, будет вырвана из оттуда цепь и невредимы. Известно, правда, случай, когда в кучевом облаке случайно затянуло парашютиста. С полчаса его мотало там, то поднимая на высоту в десять-одиннадцать километров, и тогда он задыхнулся от недостатка кислорода, то бросая вниз, пока не выбросило его из облака. Но потом не выбросило его наружу, и он благополучно приземлился.

Кучевое облако может проплыться дождем или разразиться грозой, из него может посыпать на землю град, но нередко оно спокойно проплынет мимо, лишь укравшая своим причудливым фор-

мами небо. Ученым известны причины возникновения самого облака, «механизмы» образования дождя или града, потоки, бушующие в нем, и многое другое. Однако вся сущность физических процессов, протекающих в облаке, до конца еще не ясна.

Была бы разрешением этой тайны и ученые Алазанской экспедиции, возглавляемой Амиряном Ильичем Карцивадзе. В этой экспедиции объединены свои усилия грузинские и русские ученые: Институт геофизики Академии наук Грузинской ССР, Московская Центральная аэрологическая обсерватория, Тбилисский научно-исследовательский гидрометеорологический институт и Управление гидрометеослужбы республики. Но самое главное в экспедиции — это разработка методов борьбы с градом. И на этом пути уже получены первые практические результаты.

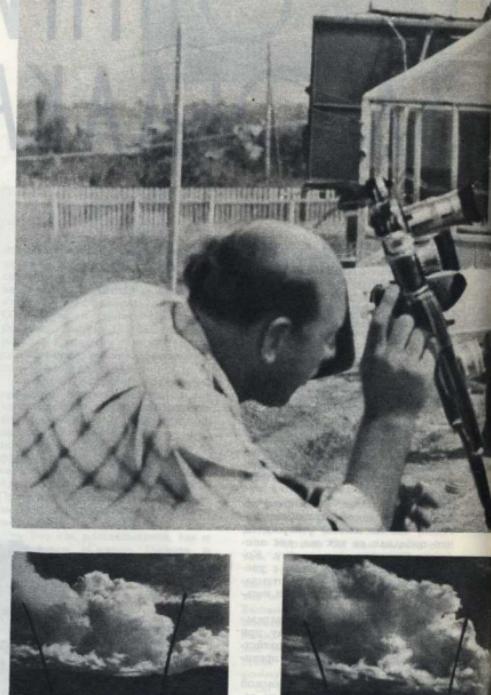
Современная наука знает разные способы разрушения облаков. Рассыпая над облаком с самолета сухой лед — углеродистый, мы научились «раскрывать» аэродромы и давать пассажирским самолетам возможность взлетать и садиться. Тем же способом можно в празднике над площа-дями или стадионами превращать пасмурную, дождливую погоду в ясную. В сухую погоду можно даже вызывать из проходящего облака дождь над истосковавшимися по воде полями. Тех же результатов можно достичь и с помощью воды и углеродистого льда.

Чтобы прорвать град, надо разрушить облако: воздействовать на него теми же способами, которыми разрушают облака и в других случаях. Однако важно научиться применять эти общие принципы в конкретной обстановке, складывающейся в Алазанской долине. Здесь весьма своеобразная циркуляция воздушных масс, здесь Азия имеет свои законы, в значительной мере отличные от тех, которым подчиняются кучевые облака в различных местах или даже в горах с иным реальном. Конечно говоря, надо было найти способ защиты долины и ее виноградников от града, а эта, конечно, практическая задача включала за счет целого комплекса научных проблем.

Теперь многое позади. Долина окружена стрелковыми пункта-ками, на которых сторожевые башни в стиле, который в Азии никогда не был запрещен от набегов врагов, расположились на вершинах окружающих гор. Двадцать пяти таких пунктов преграждают путь облакам, несущим град, в долину. По команде из штаба экспедиции, расположенного в селении Рушири, они пошатают наизнанку облаком ракеты.

Ракеты. Сколько належда и санкции склоняют членов советского XX века с этим выдающимся техническим достижением современности, ставшим серьезнейшим оружием науки и прогресса и опаснейшим оружием войны...

А Алазанская экспедиция мы были свидетелями того, как ракета обрела новую смысл — превратилась в орудие земеделия. Подобно тому, как в свое время трактор и другие машины изменили методы обработки почвы в практике земледелия, так теперь на помощь колхозникам приходят ракеты. Нет, это не преувеличение, не литература гипербола. Это факт, который скоро станет повседневностью,



Так разрушается кучевое облако.



стает обычным, видимо, не только в этих местах, но и во многих других, где требуется управление погодой.

В штабе экспедиции ведутся не прерывные наблюдения за облаками. Как только на горизонте появляются облака, их немедленно начинают исследовать. С абсолютной точностью определят, несут ли они град, опасный для виноградников, или нет пока трудно. Но если облака вызывают хотя бы малейшее подозрение, на блюдателем определяют, на каком направлении и высоте, куда следует нацелить узел ракет, чтобы разрушить их. Когда все го-

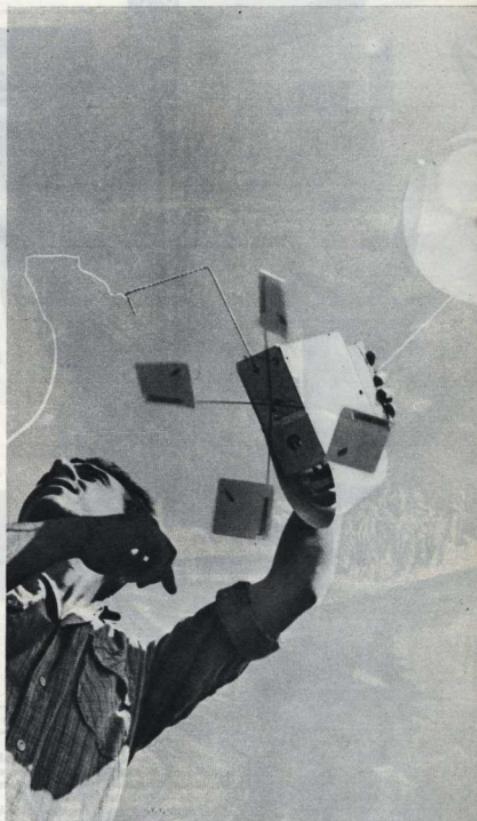
тво, начальник штаба экспедиции Арчил Окуджава по радио дает команду на стрелковые пункты и ракетные установки в облаке ракеты. Ракеты взрываются и на землю высоте начинают забрасывать в облако юдистико се-ро-реагент, который разрушает облако.

В данном случае ученые исполь-зуют природный процесс, протекающий в облаке: из мелкотинных капелек воды, содержащихся в па-рообразном облаке, в верхней, пе-рекрошающей его части при опре-деленных условиях начинают образовываться кристаллы льда, кото-рые потом и выпадают либо в виде дождя, либо в виде града.



Над горами появилось облако. Фотограф экспедиции Шалва Адуашвили и молодые геофизики комсомолки Даши Гвелисашвили и Белла Мерабки тут же начинают исследовать его.

Ираклий Бадалов запускает в облако шар-зонд.



стое серебро имеет кристаллы, сходные с кристаллами льда. Моментально отрываясь от камней, во мгновение образуется, а как бы обмынувшись, оседают на кристаллах юношего серебра. Образия водой или льдом, такой кристалл тяжелее и падает вниз дождем, образуя по пути массы новых тяжелых капель. Таков, в общих словах, механизм разрушения облака.

Мы сидим на одном из стрелковых пунктов на высокой горе, куда то лико запущена маленькая метеорологическая ракета. Она вырвалась из аппарата, оставив вокруг клубы пламени и белого дыма. Она умчалась ввысь, и за нее тянутся вьющийся белый шлейф. Она умчалась, чтобы вступить в единоборство с гигантским облаком, грозящим земле градом. Разбросав по орбите весь заряд, она достала своего апогея, мы увидели круглое белое облако,

а через несколько секунд до нас донесся звук взрыва; ракета попала.

И вот облако постепенно начинает терять свою четкую очертания, расплываться, танцует. Проходит еще несколько минут, и — о чудо! — на том месте, где недавно было темное облако, все яснее проступает синяя неба.

Мы с трепетом и уважением смотрим на лежащие на земле ракеты — сестер той, которая только что сражалась с облаком. Мы трогаем их руками. Нет, ракеты в будущем станут только такими, они будут вызывать у людей любопытство, чувство радости и восхищения пред человеческим гением. Они должны нести научные приборы и космические корабли. У них должен быть лишь один противник — сны и тайны природы, лишь один путь — к прогрессу.

Побежденное облако тает над Алазанской долиной... Над Алазанской долиной снова светит солнце!

Из бортового журнала перелета

турбовинтовые «Ильи», проплавают роскошебельные родственники наших «Пчелок» — стометровые красавцы «АН-10»...

— Движение, как на столбовом дороже, — шутливо замечает кто-то. — Только регулировщикам не хватает...

Внизу, пропибившись с севера, тянется по извилистой линии Кхеленогородской полотне склонные поезда, пришвартовываются к морским причалам белые пассажирские корабли.



В Адерском аэропорту, где нам пришлось сделать небольшую остановку перед броском в Грузию, мы познакомились с шахтером из Кузбасса, с калачатским рыбаками, с колхозниками из Новгородского района... Они разговаривали пристрастно отчаянно, восторгались красотой Черноморья, делались планами на отпуск: подождут, отдохнут, чтобы с новыми силами взяться за работу. И менее всего они упоминались тому, что всего несколько

часов назад находились за тысячу километров отсюда.

Путь от Адера до Тбилиси «Пчелка» прорыгивает на высоте двух с половиной тысяч метров. Мы снова идем над горами.

ПОСАДКА ПО ЗАКАЗУ

После короткой остановки в селе Гага, легким в Алазанскую долину, в экспедицию Института геофизики Академии наук Грузинской ССР. Можно лететь через

См. стр. 2



Встреча

Продолжение. Начало см. №№ 17, 18.

День был безоблачным и ясным. Небо словно приглашало подняться в него.

Войдя в столовую, Волгин застал там Ио и Люция, которые припели проводить его. Мэри и Владилен уже переоделись в путь. На них были одинаковые костюмы, состоявшие из длинных брюк с манжетами на лодыжках и рубашек с длинными рукавами.

— В Ленинграде холодно,— пояснила Мэри.— Тебе тоже надо переодеться.

— А где я возьму костюм? — спросил Волгин.

— Я привез его, — ответил Люций.

После завтрака Ио взяла Волгина под руку и увел его в спальню. За ними последовал Люций.

— Разденься, — сказал Ио. — Я хочу осмотреть тебя.

В течение прошедших месяцев Люций несколько раз пропадал в эту процедурную, и Волгин хорошо знал, в чем она заключалась.

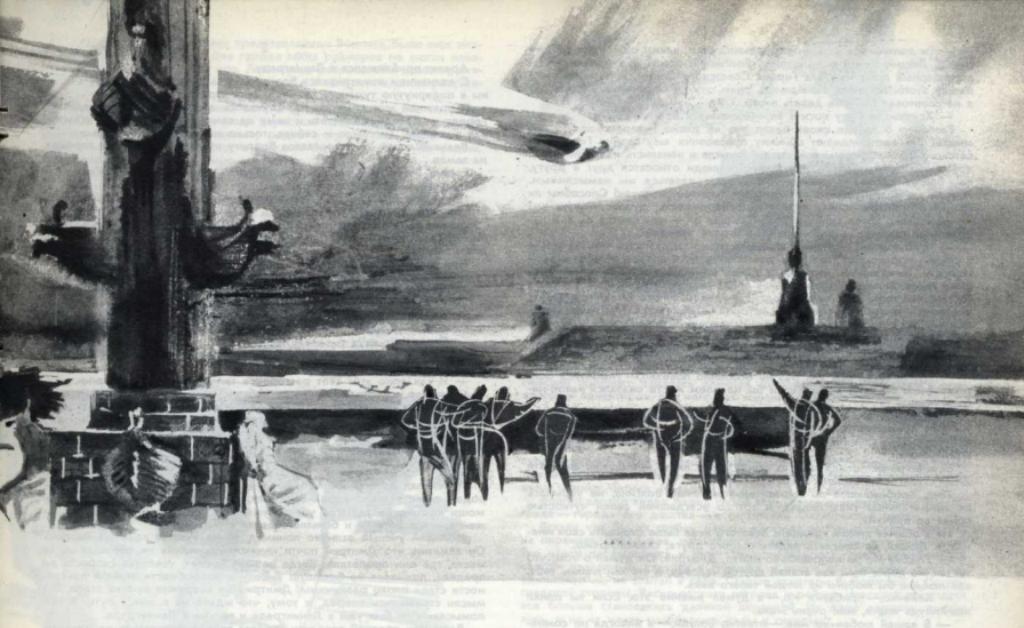
Врачебный осмотр в тридцать девятом веке не имел ничего общего с тем, что происходило в двадцатом. Раздевшись, Волгин встал перед Ио, на некотором расстоянии от него. Иногда врач просил повернуться спиной.

Ио не приближалась к Волгину, а стоял на одном месте, внимательно следя за стрелками небольшого прибора, который держал в руке. Он часто поворачивал крохотные ручки и нажимал на малюсенькие кнопки.

Что он видел и как понимал виденное, Волгин не знал, но догадывался, что неизвиданные лучи прибора «выслушивают» и «ощущают» поочередно все органы его тела.

— Ты очень окреп за последнее время, — заметил Люций. — И шрам на груди почти уже не виден.

— Что ж! — сказал Ио, пряча прибор в карман. — Я не нахожу у Дмитрия ни одного дефекта. Он абсолютно здоров. Он может надеть пояс.



ЧЕРЕЗ ВЕКА

Георгий МАРТИНОВ

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА
и А. БАБАНОВСКОГО

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Волгин вопросительно посмотрел на Люций. Последние слова Ио были ему непонятны.

— Я думал, что все люди носят очень широкие пояса, но не считал их просто принадлежностью костюма. Из близких к нему людей только Эзри не носила пояса. Костины самого Волгина также имели эту обязательную, по-видимому, деталь одежды. Но вот Ио говорит, что Волгин может «надеть пояс». Как это понять, если он давно надел его?

— Пояс, который ты носишь, — сказал Люций, — просто матерчатый, тогда как наши изготовлены из особой ткани.

— А именно?

— Слышишь ты что-нибудь об антигравитации?

— Что-то слышал, — ответил Волгин, — только очень давно. Примерно тысячу девяносто лет тому назад, — засмеялся он.

— Антигравитация, — сказал Люций, — в принципе то же самое, что и антигетание. Техника использует эту силу повсюду. Например, леты. Наука о борьбе с силами тяжести называется гравилогией. Гравилогия полезна не только в технике, но и в медицине. Ты знаешь, конечно, что человек отдыхает лучше всего лежа. Почему? Потому что тяжесть тела меньше давит на скелет. Самая тяжелая часть человеческого тела — от пояса и выше. Естественно, возникла мысль об антигравитационных поясах. Грудь, руки, голова весят меньше, когда на человека такой пояс. Это оказалось очень полезным для здоровья. Можно даже сказать, что внедрение поясов удлинило жизнь человека. Теперь носят все, как обязательную принадлежность костюма.

— Я думал, что это просто мода, — заметил Волгин.

— Эта «мода» держится уже шестьдесят лет. И вряд ли когда-нибудь исчезнет. Разве только найдут способ изготавливать их более узкими.

— А почему Эзри не носит пояса?

— Носят, но только под платьем. Так поступают многие женщины.

— Ты тоже можешь надевать его вниз, — сказал Ио. — Если тебе так больше нравится.

— Я буду одеваться, как все, — ответил Волгин. — Но почему я до сих пор носят матерчатый пояс?

— Потому, что твой организм должен был окрепнуть в обычных для тебя условиях.

— Видите, скажите, решимо, Волгин не спрашивал подробностей о техники антигравитации. Вряд ли эти люди могли ему объяснить так, чтобы он понял. Это был очередной непонятный ему факт, и он принял его, как все остальное. Так было — вот и все!

В очень древние времена люди воспринимали весь окружающий их мир, на земле и на небе, точно так же, как делал это теперь Волгин. Они не понимали явлений и примораливались к ним, как к существующему факту, не доискиваясь объяснений.

Такое сравнение часто приходило в голову Волгина. Его гордость страдала от этого, но надо было терпеть, сейчас он все равно не мог понять.

— Значит, — сказал он, — я уже вполне окреп?

— Да, вполне, — ответил Ио.

— Давайте пояс.

Люций указал на стул возле кровати. Там уже лежал светло-серый костюм того же покроя, которым он видел на Эзри и Владилене. Только то было темно-синим.

— Ну почему у меня другой цвет?

— Ты любишь серый, — ответил Люций. — Разве не так?

Это было, разумеется, так. Люди тридцать девятого века все замечали.

На рубашке Волгина блестела Золотая звезда. По приезде в дом Мунцина он снял ее и спрятал в ящик ночного столика. Автоматы, ведущие чистотой одежды, не были знакомы с такими вещами и могли испортить мудровую ленту и звезды. Кроме того, Волгин мог забыть снять ее перед очередной сменой верхней одежды.

Теперь кто-то, вероятно, Люций, сунул нужным прикрепить Золотую звезду на ее законное место. Зачем?

— Ты должен явиться перед людьми таким, каким они знают тебя,— сказал Люций, заметив удивление Волгина и поняв его причину.— Ты легендарный представитель Героев Советского Союза, и не надо стесняться этого. Конечно, ты можешь снять эту награду, если хочешь, но несоветы тебе делать это.

— Хорошо, я буду носить ее,— согласился Волгин.

Разговор закончился, и Волгин на дне интересовавшего его мыслях, как воспринимают причину присвоения ему звания Героя Советского Союза современные люди? Вражда и ненависть неизвестных им, война отошла в область преданий. Все люди относятся друг к другу, как братья. Убить человека — это должно казаться им немыслимым. А ведь он, Волгин, уничтожил свыше четырехсот человек! Слободы ли Люций, Ио, Мэри понять, суровую необходимость, руководившую им?

— Я давно хотел спросить вас,— сказал он,— не кажется ли вам чудовищной причина моего награждения этой звездой?

— Чудовищной? — ответил Ио.— Напрасно ты думале так. На земле и сейчас встречаются гады. Мы уничтожаем их и делаем это без всякой жалости. Ты скажешь, что это не люди. Верно. Но и люди могут быть хуже гадов. Вспомни историю войны, первого века нашей эры, земли со стороны твоей страны, созданных для людей. И она имела громадное значение для всей последующей истории человечества. Мы знаем и понимаем все, что произошло тогда. И человек, принимавший участие в этой войне, нам еще дороже.

— В том, что ты имеешь такого человека,— прибавил Люций,— лишишнее свидетельство, что нам повезло.

— Ну, — со мной вам как раз не особенно повезло,— улыбнулся Волгин.— Было бы куда лучше, если бы на моем месте оказался какой-нибудь ученик.

Он внезапно заметил чуть заметную улыбку, склонившуюся по губам Ио. Он промелькнула и сразу исчезла, но ее значение было ясно. «Какая разница», — говорила эта улыбка, — ты или выдающийся ученик первого века?

Волгин почесывал глупую обиду. «Как низко... — подумал он, — эти люди стоят гораздо выше современников!»

Торопясь, прошибавшаяся по выразительному лицу Волгина, не укрылась от внимательных глаз Люция, и тот со всевидящей своей чуткостью понял ее причину.

Не в обычные людей тридцати девятого века было скрывать свои мысли, и Люций, не опасаясь задеть старого друга, сказал прямо:

— Убийца Ио не неправильно понял, Дмитрий. Он думал о том, что ты как дорог нам, как всяким другим людям, и что мы любим тебя, как любили бы любого из людей своего века.

— Конечно, — прибавил Ио, — я думал именно это. Если ты понял как-нибудь иначе, мне очень жаль.

— В вашей любви ко мне, — ответил Волгин, — я никогда не сомневалась. И я всегда буду так.

Он хотел бы, но не состоявшись откровенно выражать свою мысль. В действительности же глубоко убежден, что понял ульбку Ио в ее истинном значении. То, что его хотели убедить в противном, доказывало только, что в исключительных случаях эти люди не избегали «спасительной» лжи.

«Ложь... — подумал Волгин, — не является органически чуждой им...»

Музык пристально посмотрел на сына, и по выражению его лица Волгин понял, что отец осуждает несдержанность Ио.

А как думал он сам?..

— Одеялся! — сказал Люций как ни в чем не бывало.— Мэри и Владилен ждут тебя.

Волгин быстро оделся. Взял в руки пояс, который, как сказали ему, был антигравитационным, он удивился, что не чувствует стремления этого куска материи подняться вверх. Весь пояс должен был отталкиваться от земли, а не притягиваться к ней.

— Почему он не улетает, — спросил Волгин, — когда не надет на человека?

— Потому, что цель не замкнута, — ответил Люций.

Он взял из рук Волгина пояс и застегнул его на кнопки. Пояс развернулся вверх, но Люций не выпустил его. Было ясно, что, предоставивший самому себе, кусок материи мгновенно оказался бы у потолка.

— Никогда не застегивай его, когда снимаешь с себя, — объяснил Люций.

Разведенный снова концы пояса, он протянул его Волгину.

— А это не страшно?

Люций и Io засмеялись.

— Ты будешь чувствовать себя необычайно легко, — сказал Ио, — но быстро привыкнешь. Ты увидишь, что усталость будет наступать гораздо реже.

Пересекший невольный страх, Волгин застынул на себе пояс.

Как только он это сделал, чувство паразитической легкости овладело им, и то с его легким смешком соподчинило тяжесть. Пояс ощущал поднимал его над землей, но не настолько, чтобы ноги оторвались от пола. Руки его будто потеряли вес.

В этот момент он понял причину удивлявшей его легкости, с какой ходили все вокруг него. До этого он не мог понять, как могли люди такого роста и, следовательно, большого веса так быстро передвигаться, точно земля не притягивала их.

— Мне кажется, — сказал он, — что я мог бы сейчас подпрянуть до потолка.

— Нет, — серьезно ответил Ио. — Пояс уменьшает вес верхней части твоего тела в два раза. Некоторые люди носят пояса с коэффициентом действия один — три, один — четыре и даже один — пять. Но для начальника тебе достаточно двойного.

— А как отражается ношение пояса на работе внутренних органов тела, например, сердца?

— Только положительно. Сердцу гораздо легче. Без этих поясов на шей науке труднее было добиться двухсотлетней жизни для человека.

2

Арелет приближался к Ленинграду.

С волнением всматривался Волгин сквозь прозрачную стенку на подвернутое туманной дымкой над горизонтом. В прежней жизни много раз случалось ему подъезжать к родному городу на поезде, подглядывать к нему на самолете, и всегда он испытывал волнение. Так было и сейчас, только нежемирно сильнее.

Великий город всегда казался Волгинградом отличным от других городов на земле.

Город, Ленинград! Кольцевая. Октябрьской революции! Как близки и похожи были Волгинграду эти слова!

Понимали ли значение Ленинграда современные люди? Что говорят их сердца это гордое слово?

Может быть, для них город на Неве ничем не отличается от других? Может быть, два тысячелетия изгладили воспоминания, такие свежие для Волгинграда.

Нет, это было не так!

Волгин услышал, как Мэри сказала Владилену:

— Уже давно я не бывала здесь. Не правда ли, когда подлетаешь к Ленинграду, испытываешь особое чувство?

— Да, — ответил Владилен. — Это вполне понятно. Именно здесь был заложен фундамент истории человечества.

— Половина двух тысячелетий.

— И как яко этот свет разгорелся теперь! — добавил Волгин.

Он понял, что люди ничего не забыли. Человечество свято хранило память о славном прошлом, и благородность к тем, кто создавал строй прекрасный мир, в котором они жили, них угласа. И Дмитрий Волгин и его спутники испытывали один и те же чувства, различавшиеся только неизбежным масштабом времени. Для них это была история, незабываемая волнующая. Для него — буквально вчерашний день жизни.

Ленинград должен был вот-вот открыться. Арелет находился от города в трехстах километрах. Владилен, управлявший машиной — без помощи каких-либо ручных управлений, а только силой своего воображения — все более и более сблизился с землей. Женщины, сидевшие впереди, смотрели на него с любопытством, какими чувствами волнуют Волгинград. Он заметил, что Дмитрий почти никакого внимания не обращал на те места, где они пролетали. Когда ранние арелет, увеличив скорость до предела, поднялся на большую высоту, и подобности замытыми поверхности стали плохо различимы, Дмитрий не возражал против этого. Его мысли стремились вперед, к тому, что ждало их в конце пути. Всеми помыслами он был уже в Ленинграде и только в Ленинграде.

Даже при средней скорости арелета города появлялся на горизонте, оказываясь прямо внизу и исчезая из виду с такой быстротой, что рассмотреть их не было возможности. Владилен не хотел, чтобы Ленинград оказался под ними раньше, чем Дмитрий почувствует и переживет его появление. Он знал, что постепенное приближение к родине — это как раз то, что нужно сейчас его другу.

И он откладывал и откладывал этот маневр. Он был благодарен Владилену за его честность и внимательную работу, но говорить сейчас слова благодарности не было в состоянии.

Он умер во Франции, в Париже, и в час смерти его мысли реалились сюда, и вот он оказался здесь, снова живой и здоровый, с восхрупшейся тоской по родному городу.

Киним он увидит его?

Был на земле «вечный город». И грандиозные постройки этого города, полуразрушенные неумолимым ходом времени. Волгин видел свою глазами. Амфитеатр Колизея, построенный в 82-м году христианской эры, наполовину сохранился к двадцатому веку. Но не существовало ни одного здания, которое смогло бы полностью сохраниться за два тысячелетия.

«Почему меня тянет с текой силой к тому месту, где находится Ленинград? — с грустью думал Волгин. — Ведь его нет. Моего Ленинграда, киним землю и побуди его, не существует. Там все другое, все новое и называемое. Но ведь не могла же исчезнуть Нева! Значит, я увижу хотя бы ее...»

— Какая погода в Ленинграде? — спросила Мэри.

— Долина была бы густая облачность, — ответил Владилен. — Но Музык говорил с Ленинградской станцией погоды и предупредил их о прилете Дмитрия. Сейчас небо над городом безоблачно, как и здесь.

— Это чудесно!

Волгин слышал и не слышал этот разговор, скользнувший мимо его сознания. Он не мог оторвать глаз от горизонта.

И едущий далеко-далеко в лучах солнца до боли знакомо сверкнула золотистая купола Исаакиевского собора, как появлялась она две тысячи лет тому назад, когда самолет на большой высоте подлетал к городу, плавно приветствуя Ленинграда, отблеском солнечного света на золотом куполе Исаакиевского собора.

Какое же здание послало теперь свой первый привет арелету? Что неведомое блеском своим заменило старого друга...

Волгин не спросил об этом. Он молча смотрел вниз и постепенно начал узнавать местность.

Несомненно... они близко к Пушкину... Но где он, живописный пригород Ленинграда?

Визу разстипалась панorama гигантского города. Знакомые Волгину по книгам-фильмам современные здания непривычной архитектуры, построенные словно из одногого стекла, бесконечные прямые улицы, исполненные арок мостов, переброшенных через центральные, обширные воды и зелени, серебристые линии спиральных городских дорог, как будто висящие в воздухе, масса арелетов всех размеров все указывала, что под ними не просто населенный пункт, а один из крупнейших центров мира.

До Ленинграда, по прежним представлениям Волгина, было еще около пятидесяти километров. Два города таких размеров не могли находиться рядом. Значит, это и есть Ленинград, разросшийся исполн, втянувший в себя все, что раньше окружало его на почитительном расстоянии.

Ни одного высотного здания Волгин не видел, но это его не удивляло. Он знал, что уже давно люди перестали громоздить друг на друга бесчисленные этажи. Двухэтажные, редко в три этажа современные дома расположились свободно, каждый был окружён либо садом, либо парком, либо сквером, либо деревней.

Особенности от гнета расстояния, имея в своем распоряжении быстрые и удобные способы сообщения, люди не боялись разбрасывать дома населенного пункта по огромному полю. Характерная для больших городов прошлого скучность населения совершенно исчезла.

Да, это был Ленинград, и слова Владилены, с которыми он обратился к Волгину, подтверждала это:

— Где ты хочешь опуститься на землю?
— Там, где был прежний Ленинград. Где-нибудь на берегу Невы.
— Но там уже не город. Там Октябрьский парк.
— Что ж! Значит, опустись в парк, — сказал Волгин, и его голос дрогнул от горького чувства.

Нет Ленинграда! Его опасения оправдались: город передвинулся на юг; все, что было прежде, исчезло с лица земли; там, где высинки прекрасные здания, так хорошо вспомнили знакомые, какой-то парк, название которого понятно Волгину, но ничего не говорит его сердцу.



Его современники считали бессмертными творения Воронихина, Росси, Баженова и Растрелли. Казалось немыслимым существование Ленинграда без зданий Эрмитажа, Смольного, Мраморного дворца, без Казанского и Исаакиевского соборов.

«А Медный всадник? — подумал Волгин, и вся прелест сидения перемерила для него.

Что ему Ленинград! Он удержал готовую сорваться с губ просьбу повернуть назад, лететь в другое место.

— Тебя ждут жители Ленинграда, — сказал Владилен. — Они хотят встретить тебя первыми.

«Киев! Ленинград...»
Хотя бы пропускались эти слова!

Мы вернемся сюда немногим позже, — сказал Волгин. — Я хотел бы сначала познакомить Неву.

— Хорошо, летим в парк.

Арепел поднялся немногим выше и полетел быстрее. Мэри вынула карманный телефон и что-то сказала. Вероятно, предупредила горожан о желании Волгина, чтобы те не ждали его напрасно.

Город внизу тунулся без конца. Вот проплыли назад огромный сад или парк, расположенный на холмах. Волгин узил место. Пулковские высоты! Вдали блеснула гладь Финского залива.

Что значит для природы для тысяч лотьев судьбы! Как в те времена, когда не существовало России, там теперь величавая Нева несет свои воды, не обращая внимания на то, что делают люди на ее берегах. Был город, потом он исчез, может быть, вырастет другой, а может быть, нет. Природе все это безразлично!

Нет Ленинграда!

Но же что продолжает сверкать золотистым блеском, принимая по-степенно ясно видимую форму купола? Как раз там, где должен находиться величественный собор! А там, правее, золотая лига вонзилась в небо!

Неужели?

На острове чувство ожидания, смешанное с тоской и страхом разочарования, не долго мучило Волгина. Зоркий глаз склоняра уже видел...

Широкие луга берегового русла Невы... А здесь, на ближнем берегу, из густой массы деревьев поднимаются стройные колонны верхнего звука Исаакиевского собора... А там, дальше, за тонкой линией места, вадимаются из воды седые бастионы Петропавловской крепости,

Все как было.

Каким чудом удалось людям сохранить в целости памятники седой старины...



На месте старого города сплошное море деревьев. И, как утесы, стоят среди этого моря величественные здания бывших времен.

Чем ближе подлетал арепел к Неве, тем больше и больше Волгин узнавал прежние места. Их нетрудно было найти. Там, где когда-то был Невский проспект, тянулась длинная, широкая аллея, являвшаяся прекрасным ориентиром для него, так хорошо знавшего город.

А вот другая аллея, уходящая к Неве, и в конце ее белое здание Смольного.

Волгин не сомневался больше, что увидит все, что совсем недавно собирались с бояль вычеркнуть из памяти. И с детством любимые скульптуры на площади Конституции были находиться на старом месте. Ее не могли перенести в новый город. Нет другого места для Медного всадника, кроме берега Невы!

Волгин словно видел перед собой всю историю превращения Ленинграда — города его детства — в гигантский Октябрьский парк.

Встали как бы из глубин памяти картины южного строительства на окраинах. Город род, расширялся с каждым годом, каждым веком. Его центр перемещался и к югу. Социалистический город, наполненный светом и зеленью, тунулся к Пулкову, а затем к Пушкину, пока не захватил их, не впитал в себя. Старые кварталы Выборгской и Петроградской стороны, Васильевского острова и района Невского проспекта все больше становились далекой окраиной. Их дома ветшали, сносились...

Но в этом зондаже, как в норвежских и художественных эддизах, города. Их не давали разрушиться. И постепенно каждого из них избавлялся от близкого соседства других зданий, окружало зелено садов и осталось стоять в величииве одиночестве.

Так возник Октябрьский парк — грандиозный по величию памятник старины, музей истории зодчества, скульптуры и великих событий прошлого.

Волгин не нужно было спрашивать об этом у своих спутников. Он знал, что не ошибается, что именно так и происходило на самом деле. Это было естественное, путь, начало которому положило еще его время.

Ленинград, единственный из всех городов на земле, всегда поражал людей строгой красотой своей архитектуры. Недаром лучшие зодчие всех времен вложили в него силу своего могучего гения. Их творения часто назывались шедеврами ансамблей Дворцовой площади, Марсова поля, Казанского собора, Александринского театра и площади Декабристов терялись в массе тесно обступивших их жилых домов. Их нельзя было отхватить глазом, как одно целое, пронзчувствовать в полной мере замысел их создателей. Теперь, словно сбросившие с себя оковы, окруженные зеленым фоном ветвей деревьев, они долины были предстать перед Волгиным во всем своем величии, в цельной и законченной красоте.

Он видел их сверху, и ему казалось, что никогда еще старый Ленинград не был столь прекрасен. Отсутствие привычных улиц не замечалось. Главнейшие из них легки угадывались в линиях широких аллей, пересекавших парки во всех направлениях.

Волгин, нечто знакомое в новом облике города. Как будто он уже видел подобную картину в прежней своей жизни. Но где?

Потом он вспомнил. Екатерининский парк в Пушкине, Архитектурно-парковый ансамбль Павловска. Так же, как теперь в самом Ленинграде, в зелени прятались там дворцы и павильоны работы Кваренги, Растрелли, Стасова и Росси. И как зарывающиеся в них легки угадывались в линиях широких аллей, пересекавших парки во всех направлениях!

Волгин захотел пролететь низко над землей, над самой землей, где была площадь Восстания, до Невы.

Он оглянулся, чтобы сказать об этом Владилену, но арепел вдруг плавно повернулся вправо и пошел вниз. Как это Владилен услышать мысли Волгина...

Взгляд, брошенный Владиленом на Мэри, и недоумение покрасил плечи девушки, и она отдала отрывистым ответом показан Волгину, что спутники здесь ни при чем. Потом они оба посмотрели на Волгина и улыбнулись добродушно.

И он понял, что арепел намерен направление полета по его «примаку». Желания выплыли в отчетливый импульс, и чувствительные приборы предсказывали на него.

— Извините, что я вмешалась в управление, — сказал Волгин. — Но прими меры, а то мы врежемся в землю.

Продолжение следует.

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

В кафе вошел высокий пожилой мужчина. Что-то выдавало в нем иностранца — то ли непривычный походкой пиджака, то ли очки в замысловатой оправе, быть может, золотой перстень, а скорее всего, несколько бесцеремонная, бросающаяся в глаза манера держаться.

Ровно в это время предложение официантке место напечатало моя иностранец внесла броши обычное «кофе и сникердит» и полюбовался официанткой по плечу.

— Ах! — заявил он, не глядя в меню. Кофейня, икона, бахон, яйца, чайный кофе. О'кей.

И засмеялся, видимо, довольный своими пониманиями в русском языке.

Вытираясь затем из массовой папки какого-то газеты, он бросил на налево от себя, направо положил эзажкалье. Достал напечатанную пачку «Честерфильда», с треском сдернула с нее красную ленточку, закурила.

Скорее всего, мы так и разошлись бы, не обменявшись и словом, если бы не этатоненая книжка. Она лежала поверх газет. Из обложки, на фоне красных огней пламени мартеновской печи, четко виделись поэзия иски: «Советский завод». Настоящее, прошедшее и будущее.

Но самое интересное было то, что фразами автора оказалась мне знакомой — Николай Анисенков, прославленный стендев завод «Красное Сормово». Мы познакомились в солнечный июльский день 1958 года, когда Николаю было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...Плавка на десятой мартеновской шла своим чередом. Печь гудела, дышала нестерпимым жаром, мелькали в отблесках пламени будто до-краски раскаленные фигуры подурных. Распространился всем этим спокойный, крепко сбитый человек. Он стоял у печи, низко надвинув на глаза защитные очки и широко, по-хозяйски раскрыл руки.

В цехе было тепло народу. К Николаю то и дело подскакивали журналисты, проворно шедшие фотографаторы, одни из которых подходили товарами по работе и совсем незнакомые люди, чтобы обнять, поздравить, просто пожать руку.

Вначале он показался мне слишком сдержаным, даже чуть-чуть сузившим глаза, но в обееный первый, когда Николай снял очки, рукавом оттер пот с пушиновых щек, я увидела его лицо — молодое, широкоскулое, с блестящими глазами и до того счастливое, что захотелось зажмуриться.

— Будто именины у меня сегодня, даже голова кружится, — смущенно признался он. — И не потому, что высоко моя работа оценена, а оттого, что люди у нас такие хорошие, от их слов теплых, оттого, что праздники не только у меня, но и у товарищей много...

Долго мы сидели потом в набранной уютной кабинке Иванова, сына Соловьева. С Валентином уже тянуло вечерней прохладой; развесистый клен за окном сопоно стирхалась с аистами последние солнечные бланки, смыслах притащенный окающий говорок игравших во дворе ребятишек.

«Всё в порядке! Пора идти в печь загружать, береги пробу!» — донеслось из окна. Николай улыбнулся.

— Сашка мой командир. Образованнейшим он теперь считается. А вот я, когда такие падишахи были, даже верить не хотел, что из света стаевыми бывало. Разы можно, думаю, жеалезу так напрет, чтобы она жидкое, как вода, стало! Да и откуда мне было знать, что можно. Жил я в деревушке под Смоленском. Ни у отца в восемь рюк, ни кормила один. Маленькой я была нас, где уж тут за книжками сидеть? Если бы я колодезь не помаг, то как не учусь и отстал.

И вот теперь книгу бывшего смоленского пастушка читают за рубежом!

— Вы не разрешите мне посмотреть эту книгу? — спросил я по-английски.

Иностранец встрепенулся.

— О, разумеется! Это лондонское издание. Вам бычина сам пишет о советском заводе. У нас в Штатах такого рода книжки называют епционгандза.

Я медленно перелистал страницы. Маленькие газельки «Дж, где я работает», «Наставники хозяйства», «Рынок профессий», «Наш советский путь». «Лучше вспомнить старое». На страницах — новые мартеновские сцены: «На скамье, горячая заводская красавица-двигатель троход, «Ленин», виды на Волгу, жилой дом для рабочих, а вот и сам Николай с синичкой, вот же со своей бригадой».

— Этот парень — идеалист, — заявила мой сосед, ткнув пальцем в фотографию. — Все русские — идеалисты, хоть и выдают себя за материалистов. Хочет, чтобы я ему позавидовала, а я не завидую, нет. Я не милионер, сам бывший рабочий, но у меня сейчас мебельный фабрика, круглая сумма в банке, загородные дома, «форда» новейшей модели...

— И много в Америке таких «счастливых рабочих», каких?

— Ну нет, неудачников и у нас хватает... А вот меня вы напрасно называете рабочим с производством. Небось, думаете, капитала да дядошки получуча или случайно миллион на дороге находит? О нет! Один Бог знает, чего мне стоило пробиться!

Маленякими глотками, словно горячий чай, выпил он две рюмки коньяка. Лицо его медленно наливалось кровью, тяжело набухали веки глубоко посаженных, колодезных глаз, и вдруг, что-то вспомнив, резко вскочил с места. Да, судьба никогда не благоволила меня. «Неважный у тебя городок, Фредди», — говорил мне тетушка Эни. (А уши-то знала в этом толк!) — Никогда фортуна не останавливается сама возле такого дома, так что, если увидишь, что ждет она мимо, хватай за горло и тащи к себе. Иначе, малячи, пропадешь».

Тринадцать лет я ушел из дома искать проклятую фортуну. Погиб отец, умерла мать... Они помолчали, небрежно полистали книжку Алиценко, словно отбрасываемую от себя одну за другую легкие хрюстящие страницы, и, захлопнув, тяжело придавил ее волосистой короткополой рукой с перстнем.

— Так что этот авантюрист-сталинец меня своей судьбой не удивит. Я сам свою жизнь с пятью долларами в кармане начинял. Познал я тогда в Чикаго. Стога осени. Я дошел до последней ступени отчаяния: выпрыгнув из кафе «Бэйкер», спас в заключенных лестничных павильонах, дрожа от холода под старым пальтишком.

Но омзгама фортуна все-таки обратила внимание на меня. Я получила адрес завода, где живут был-подружий. В корточке со мной разговаривал Боб Хэтлинк. О, он хорошо умел подбирать людей и сразу понял, что я готов на все!

«Да, тебе повезло, мамаш», — сказал он. — Рассиншился-ка лист и тварь приходи на работу. Да расписанься скорей, пока я не передумал, а то ведь подожнешь с головой!»

Бог мой, что это было за время! Будь я слабее, мне бы и года не пр挺нути. Сам сейчас не понимаю, как все это выдержал. Встать приходилось заставлять, потому в течение десяти часов я отдавал все капли силы, накопленные во время сна, а придя домой, ужинал и сразу же ложился, чтобы собирать новые. Целыми днями я не видел солнца, и все это лишь за несколько жалких долларов!

А в воскресенье я бродил по городу по самым фешенебельнымavenю, и только мысли,

Евгений ХРАМОВ

ОЩУЩЕНИЕ ЦВЕТА



Дождем нас мочит до костей
и обижает ветром,
и нет никаких властей
на двести километров.

Где, кроме тоненькой тропы,
других дорог не видно,
все государство — это мы:
Володяка, я и Виктор.

Но над белоладом змеиных мест,
над стыником и ежаком
мы подняли упрямый щит
с вышитой футболькой!

Она могла бы быть красней
(мы сочлины флагов любим),

но мы шурфы долбим под ней
и листьевинцы рубим.

Ее колючий град луши,
с дрека срывало пшевалом.
И флаг наш чисто заслужил
быть молодым и залым!

Какое время не пройдет —
со много эта память:
застывший на лопотах пот,
подмыши жущий камень,
и дым костра, и визг собак,
и зебрины рассветы,
и этот

ярко-красный флаг
розового цвета!

что я когда-нибудь добьюсь права жить здесь, подбираю кирпичи и смычки, как хорошее вино. Деньги! Вот когда и появятся, что такое деньги. И как я завоюю тем, кто имел их!

О, я-то на своей шкуре испытала жизнь рабочего! Она инде и не является сладкой. Спросите этого ветера русского парня, почему он попал на завод? Уж, конечно, не ради своего удовольствия.

Мы, наткнувшись на этот Николай, и коропо поминали, как он стал рабочим. Судьба этого смоленского школьника была судьбой сотен советских подростков, которых подняла из-за парт война. Они заменили на заводах ушедших на фронт отцов и стариков братьев.

Так Николай Анищенков, подросток, звякующийший с горящей Смоленщиной, оказался на «Красном Сормове».

„Легко и стремительно, будто на коньках, скользили мы, стояликом, спиральными с подъемом, в кадебоско, меняясь вокруг лица посетителей, разноцветные пятна женских платьев, а я все сидела и сидела, слушая историю чужой, незнакомой мне жизни и гарада, как тает над нашим столиком едкий дымок до-ропых американских сигарет.

Я работала, как хорошая машина, и была не без способностей,— гордилась глотая слова, словесами, которые я, первым образом, рассказывала моим соседам.— А главное, всегда соглашалась на пример другим выполнить дополнительное задание, не считаясь с час-другой после работы. За это меня называли «Бобом», «мистером». Но я знала, что желая получить ящики должна способы художества кур.

И я добилась, чтобы меня заметили и, несмотря на возраст, стали доверять все более сложную работу. А через два года мне уже представлялась случай попасть на большую конференцию.

Работчики, которые там стояли, взбунтовались против намерения администрации ускорить движение конференции. Нас вызвали к себе Боб Хиттинс. Дед, горючий, поэтому не стал выступать. Он сказал: «Эти парни—японцы, сказали нам. И место не для нас, а для линии турецкого паша. Но никто тут не собирается чесать им пятки. А и, мальчики, кто из вас хочет им нос утереть?»

Я колебалась. Я боялась не работы, а этих парней, которые никогда не прошли такие путьки. И все же я не мог упустить случая и рискну.

На нас, согласившихся работать на конференцию, смотрели как на смертников, мы не рождались даже выходить в коридоры. Их называли мадамами и мадамами, а мы сидели в легких Арутых. Правда, мы здорово поклонялись, но встало же слово парни пришли на работу, сказав, что пока под кулаки в боксерском клубе. Это понравилось, и мамиставили в покое. Так я пронесла свою рабочую школу...

Пронес рабочую школу и Николай Анищенков. Она тоже была наелкой. Общежития на воспитанников ФЗО тогда не было, жили приходили в старом бараке, спать на жестких двухъярусных койках. И сейчас не можем Николай без возмущения смотреть на эти койки со сквозной озуротой молодые ребята, кидаясь друг в друга хлебом. Ведь тогда каждый кусок приходилось беречь, по-братьски делить поровну.

Учились прямо на месте — в цехе. По-своему передавал ребятам мастер Пурин курсовое искусство варить сталь. Он был выбран в свою профессию, этот седой, похожий на демонизора старик, прорабатывавший на заводе тридцать три года. Помнит Николай старый мартеновские цех, опломбированную сажей печь, жаркое, шумное дыхание пыли, вспышки на плавильных ковшах, драки, к которым и приблизиться-то страшно. «Ну что, храбрецы, сработали? — ехидно посмеивалась дед, склонившись козылью темными напыщенным пальмами. — Уговариваешь для вас пропорцию одну. Кто из вас от печи прикурить — значит, быть ему хорошим сталяроводом!»

Сунулся было Николай к печи, а крышка красная раскаленная. И фразузы на лицо на-дицун и вертелся по-фокусному, а прикурить не смог. Махнул Пурин рукой, отвел краину из-под газеты клацок, поднял печь и закурил. Всю она вспомнила напыщенную профессию, большими смекалками десь пузки. Печь не подпускает к себе, а там ее перекрести, разумом приручи, вот тогда вы и сладитесь. Механизм,

что животное. Как почувствует ваше внимание, руку вашу твердую, хомякскую, так и станет слушаться. У нас с машинами противоречий нету—вместе стальная мастихин, чтобы поднестру Гитлеру с нашей земли прогнать...»

Много, очень много времени прошло с тех пор, пока я добралась до этого барака, и стала спрашивать на том первом уроке рабочих мастеров. Ессенские ночи, проведенные над книгами, горячие поразмы, которым, казалось, никогда не будет конца, окрыляющая радость неизвестной победы и, наконец, первая самостоятельная плавка. До боли закусенные губы, мускулы, напряженные, будто перед прыжком изволнованное, участливые лица друзей вокруг и отчаянно наивная мольба к ней, выплевывающей пламя: голубушки, родина, не подведи... А потом первые трофеи, облитые из-под золота, блестящий плащенный у солдата, живой и горячий, стал и захватывающий воистории, торжествующий юпитер самого верного друга: «Колька, ура! Проба что надо...»

Все это в прошлом. «Анищенков — это чародей! — говорят теперь о Николае на заводе. — Его печь работает совершенно без брака». А другая? Они стали мастерами, инженерами, изобретателями. Именно они, бывшие воспитанники ФЗО, сконструировали на заводе первую в мире установку непрерывной разливки стали. Таким вспыхнула их изначальная работа.

А Фред Остен, изобретатель машины, названной конвейером, на которой так стремились попасть.

С николаев не уставал — рассказывала мой захмелевший собеседник. — Я чувствовала, что больше не выдержу этого дурацкого механического дергания рук, этой тулый боли в затекших мышцах, он все двергался и двергался, словно адская река, с той разинувшей, безжалостной разинометрию, от которой хотелось с криком бежать куда глаза глядят. Поэтому я вздохнула с облегчением, когда получила предложение стать мастером. Наконец-то я счастлива. Фортуну я заслужила как учитель тетушки Энни. Я получила денежную премию за изысканность и, когда скопила достаточно сумму, высыпалась из этой чертовской пустыни.

Мне было уже до тридцати, а жить я еще не начинала. Пора было торопиться заводить собственное дело, и тут весьма кстати пришлась приданое Люси. И снова десять лет упорной борьбы с конкурентами, деловых лихорадки, иначе без них. Да, деньги доставали мне несложно, но я горжусь, что пробралась сама, собственными зубами, и не воровала, как другие. Это было сделано просто поставлено на ноги, потребителям нравится наша мебель, и мы получаем массу заказов. Недавно я приехала в поселок на собственной машине, и все рабочие пили языки за ежасстничка Фреда Остена».

Теперь наконец я имею все. Захому — обльеду весь мир, и везде миши будут встречать как дорогого гостя, захому — построю дворец и погаслюсь неми одни.

Он выпада в рамку остатки из графин и тяжело оперся локтями о стол, бормоча:

Мне плавится эта книжка. Я плачу и жду счастья.

И мы должны сказать: нет, вам неизвестна эта книжка, мастер Фред Остен, иначе вы с легким сердцем забыли бы ее еще в лондонской гостинице, наиве вам бы и в голову не пришло исповедоваться слаждайному соседу по столику, с лихорадочным настыжностью добиваясь патента на право называть счастливым. Почему же вас, процветающего чикагского бизнесмена, разстрелявшую судьбу простого советского парня, кихах у нас сочи, тыльной. Дело в том, что вы не знаете Фреда Остена, и вы не знаете Салчуса, вам неизвестна эта книжка, мастер Фред Остен, иначе вы не поиздевались в том величии мире, где есть наилучшая грамма за место в жизни. Поэтому как бы высоко вы ни поднялись, как бы ни учились своей властью, вас всегда гложет страх потерять свою капитал и вместе с этим все.

Но над этим я задумалась, читая языне, пронизнутые удивительной радостью верой слова простого советского сталярова о будущем родного завода, о будущем его земляк Гитлерские дизель-электрооборудование, колбасы, колбасы, колбасы с каждым годом. Вместе с иностранным туризмом, посетившим Сормовский завод, вы неизвестные: «Гудаки... Стоят ли так стараться для государства? И мы ответим один из рабочих: «Государство — это мы». «Пропаганда», — извернное, ворчали вы, пере-

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС УТВЕРЖДАЕТ

«Красноярский комсомолец»

Без громких фраз

Мы вчерашние деревенские, деревенские, перешедшие вчера порт проводоход, завоев. Иногда на нас едва исполнилось семнадцать. Высоко над головой стальные фермы перекрывают бирюзовую пропасть, в которой вспыхивают высоты, работают люди, свершают вспышки электросварки. А рядом, словно из чистого кристаллического бирюза, Тунгуска и небу стены будущего завода синтетического науки.

Таковы мы и представляемся природе, Тунгуске, Тунгуске, и небу стены будущего завода синтетического науки. Таковы мы и представляемся природе, Тунгуске, Тунгуске, и небу стены будущего завода синтетического науки.

Ну, а теперь, парни, будем учиться, как стать мастером. И он раздал нам инструмент.

«Стройны большой научный», — писала моя мама на конверте, — «стремимся однажды всплыть». Я помню, как начинали гнуть наши руки и головы, как бригады наших восторгов всплыли в воду, как корыстные всплыли Вита Безымянный, стала лучшей в управлении, а потом в тресте.

И я помню, как мама сказала: Если спросят нас, чему мы научились за эти два года, — ответим: мы научились любить, заботиться о другом, хотеть, чтобы тот, кто мешает жить, без гримесных фраз говорить о высоких чувствах, о методах, какими мы живем.

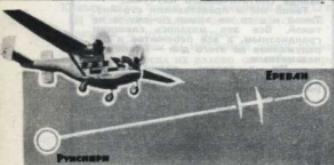
Мы научились видеть мир, быть мастером, беленировать, долбить, сновидеть сибирским морозом землю, раздувать стада, засевать поля, сажать деревья, мешающую природу, и научились становиться мастером — новый мир чувств, который мы называем наука, завтра. Мы научились работать и жить. Скорее ступи почтенный красноярский рабочий, каким ты хочешь стать, скрои другим цехом, другим заводом... Мы будем строить коммунизм.

Д. ТАРАНЕНКО,
секретарь комитета ВЛКСМ СУЗ
«Красноярскпромстroi»

ворачивая страницу за страницей. Но вот вам попадалась фото. Пять парней, пять членов однодневной бригады. Плечи касаются, головы сливаются в один купол. Дядя, сплошная обиная целлю, которую не разъядает ни корысть, ни зависть. А вы? Вы никогда не зная счастья всегда чувствовали рядом друзей, готовых делять с тобой и радость и беду, счастья вместе работать, учиться, вместе петь песни. Поэтому так поразила вас на улице Москвы поиздевавшаяся женщина с колпаком в руке, которая плякала от радости, узнав о благополучном полете нашего космонавта, когда это вернулся на землю ее сына.

Представьте себе людей, Фред Остен, которые являются для вас стариками. Теперь они сияют прекрасные эдемы. Там хватит места для каждого и будет много света, солнца, тепла. Они не хотят счастья только для себя, они хотят его для всех. И пусть им порой бывает трудно, пусть сегодня вы живите бояче их уже недалеко то время, когда они не будут нуждаться абсолютно ни в чем.

Прощаясь, он с какой-то злостью сунул маленькую книжку в залог, перелетев обратно в папку, и я знал, что будет с ней. Он склонил голову, чтобы я не видела, как изменился лицо, и я видела подарок роскошную интуицию жемчуга, добавленную темпоможами национализмами, или просто ложкой, разваливавшей в шелочно, под осенними итальянскими небесами... она всегда будет с ним, между доломитов бумаг и крикливых рекламных брошюрок, смущая и приводя душу вопросами, от которых так трудно уйти человеку.



ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕЛЕТА

стр. 17.

горный хребет прямо на Тебах, чтобы решаем штурм в обход, чтобы пройти над всей горной полосой.

Мы склоня на большой воздушной дороге Тбилиси — Баку. Где-то за Рустави нас обгоняет «Ил-14».

— Эй, приятель, — несется по радио с борта «Ила», — что сошлось?

— Я могу и постыдиться, — отвечает Калинин. — А вот ты постой...

Что-то дрожало, напоминая «Пчелку» — тихокогонюю машину. Она предназначена для работы на небольших расстояниях, ее скорость не нужна. Но этот обман любезности напомнил нам интересный случай из истории этого самолета.

Готовясь к пароду в Тбилиси, Калинин «Пчелку» в одной строке с воздухом оставил вспоминать. Вертолеты что-то замечались в небе, но какое-то время заискивали в воздухе. Что делать? Ведь «Пчелка» не предназначена к «заискиванию», поборько вертолету. Но и стroy не хотелось нарушать. И Калинин, «затормозив» машину, 55 секунд «Пчелка» висела в воздухе почти не поднявшись.

Сорвавшись в Аланскую долину. Вот Тебали с древней крепостью царя Ираклия. А вот и Русланы. Здесь нам нужно отыскать экспедицию.

На окраине села вагончики с антеннами радиолокаторов на крыши, еще какие-то

ЗВЕЗДЫ СТАНОВЯТСЯ

Высокий, стройный человек с черными юношескими волосами и открытыми, приветливым лицом медленно идет по Еревану. Он может так без устали бродить по улицам ставшего ему родным города, и никто не заметит, как он зевает скверах и садах, наслаждаясь прохладой фонтанов и повторимой красотой цветников. А к вечеру он поднимается мимо хранницы древних рукописей Матенадарана на гору, с которой открывается прекрасный вид на Ереван. В луках заходящего солнца город кажется особенно красивым. Вдали тает дымка снежной шапки Аравата, и можно долго смотреть и смотреть, пока солнце совсем не исчезнет за горами и не вспыхнут ночные огни.

Бродить по улицам на Гамлета Вартапетяна, вошло в привычку еще с того времени, когда он маленький бегал в коммунальную школу маленького французского города Бу-Коломба. В этот городок занесла судьба семью Вартапетяна после того, как напуганные турками деревни, из которых состояли в основном промышленные селения, прокопавшие в Армении после гражданской войны, родители Гамлета эмигрировали во Францию. Тогда мальчику не было еще и трех лет.

Но и здесь ни их долю выпало немало разочарований. Родители Гамлета, учителя по профессии, никак не могли найти работы: Франция тогда находилась в шоке, потому что только французы.

Для того, чтобы хоть как-то жить и дать сыну образование, мать Гамлета с утра до вечера не разгибала спины над швейной машинкой, а отец стоял столяром.

Часто после занятий в школе Гамлет оставался один. Французские мальчишки не принимали его в свои шумные игры: ведь

он был сыном армянина-эмигранта. И он бродил по узким серым улочкам чужого города. Домой он возвращался поздно, когда в центре города уже зажигались уличные фонари и испытывали первые лучи рассвета.

И позднее, учясь в парижском колледже Шапталь, Гамлет не изменял своей давней привычки.

Как и прежде, когда ему было трудно или просто хотелось оставаться один на один со своими мыслями, он бродил по улицам бульваров Парижа, по набережной Сены.

Есть улицы в Париже, навсегда ставшие для него дорогими и дорогими для него.

Своими гопникиами он расклевывал во время фашистской оккупации листовки, другие прятали его от гитлеровских индейцев. Вся семья Вартапетяна принимала участие в одной из групп движения Сопротивления, которую возглавляли их соотечественник коммунист Мисак Мануашян. Они изготавливали документы для подпольщиков, печатали листовки, прятали оружие. На их квартире часто происходили собрания. Мысак погиб. Его имя с благодар-

ностью вспоминают вместе с тысячами французов многие советские люди, которым он помогбежать из физикистской пытки. Окна из французской квартиры на которой в 1944 году погиб последний бой на баррикадах с отступавшими гитлеровцами, теперь носит имя Мануашяна.

Часто, стоя на набережной Сены, Гамлет думал о набережных Москвы-реки, о своей Родине, казавшейся далекой прекрасной звездой. Там коммунисты создали новую жизнь, их делами восхищалась весь мир.

Что же это такое — коммунизм? Сколько хороших, самые честные люди, с которыми приходилось встречаться за свою жизнь! Гамлету Вартапетяну, всегда были коммунисты. Поль Ланжинес, директор Высшей школы физики и химии, в которой Гамлет учился; Мисак Мануашян, отдавший жизнь в борьбе с фашизмом; профессор Фредерик Жолю-Кюри, у которого он работал; французские солдаты, подбитые в Европу от фашистского ига... Все, чем они были, о чем мечтали, что они боролись, было близко и понятно ему.

Коммунисты несут людям мир и счастье. И, помня это, Гамлет занял свое место в их рядах: в 1948 году он вступил в Коммунистическую партию Франции.

А в 1957 году в жизни Гамлета произошли два знаменательных события. Он защитил докторскую степень в университете Бордо. Затем началась большая научная работа по ядерной электроскопии, над которой он трудился на протяжении ряда лет под руководством профессора Жолю-Кюри.

В том же году Главный комитет армянской молодежи направил его своим делегатом в Москву на Всемирный фестиваль молодежи.

Он без устали бродил по ули-





МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС УТВЕРЖДАЯ

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

Забота у нас такая...

Иногда, собираясь вместе, ребята металли: хорошо, если бы рядом с привычными и гордыми: «Сделано в СССР», — можно было написать: «Сделано коммунистическим трудом Климова». Завод «Компрессор».

И вот однажды...

— Извините, пожалуйста, — сообщила бригадир и, поглядев на ребят, добавила: — Наряд на компрессоре еще не планировался.

В этот день они ушли чуть позднее, а на следующий состоялось комсомольское собрание.

— Заказ для Кубы выполнили вне плана, — сказал на собрании Климов. — И вот едва успел появиться на участке блок-номера, как тут же приехал прессор, — вымытый от шлангований боями, — как сборщики узнали, что токарь Борис Подпорин взялся выполнить заказ. Их вразумили для нубинского заказа. А потом пошли: Карнов, Нишинин... Один за другим рабочие цеха следили примеру Бориса.

Теперь каждый день после смены бригада собирается на участке. Компрессор для Кубы обрастает деталями.

И все-таки через несколько дней после того, как ушел из участка, от прессора не хватило деталей. На следующий день в цехе появилась «молчаливость». «Московский» занял опустошность.

Уже засыпалась смена, но не спавшиеся все бригады оставались на своих рабочих местах. Когда же они поздно вечером уходили из цеха, «зона молчания», оставленная «компанией», была пуста: детали были готовы. В глубине цеха стоял готовый компрессор для Кубы.

БЛИЗКИМИ

цам и набережным Москвы и, пожалуй, впервые думал, что не одни: у него тоже была заново другая любовь в жизни он опустился, что такое Родина, понял, что не может жить без нее. Возвращавшись в Париж, он не перестает думать о Москве, о людях, с которыми подружился, о родной Армении. Мысль о возвращении на Родину неотступно следует за ним по улицам Парижа, по набережным Сены. Дождливым сентябрьским вечером он зашел в кабинет Жюльена-Кюри.

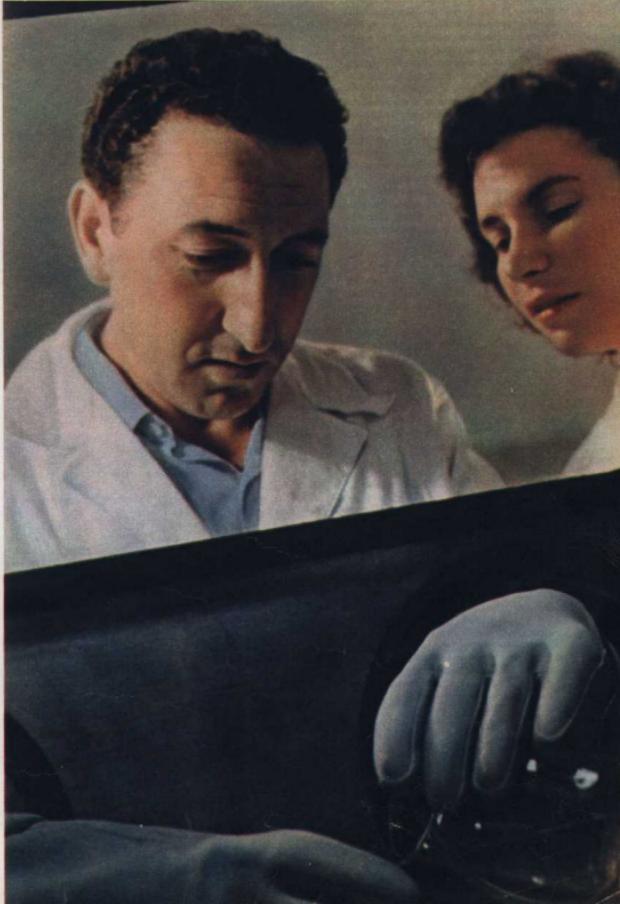
Молодой обрадовался и своему учителю — с собой собираясь покинуть вас. Я решил вернуться на Родину, в Советский Союз. Профессор встал, медленно прошелся по кабинету.

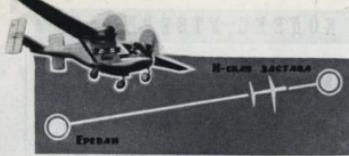
— Ну, что ж, Гамлет, я тоже люблю свою родину, и мне понятны ваши чувства. Если бы я был французом, я бы тоже уехал в Советский Союз.

В мае 1954 года осуществилась давнишняя мечта Гамлета: вместе со своей семьей он вернулся на Родину.

...И вот теперь, когда он смотрит на родной город, ему с трудом верится, что было время, когда прекрасные звезды Родины были такими далекими. Гордость наполняется его сердце при мысли о том, что он гражданин великой страны, где мечты его учителей Поля Ланжевена и Фредерика Жюльено-Кюри, его друзей — французских коммунистов — претворяются в жизнь, что он тоже участвует в строительстве коммунизма.

Сержан Гамлет Евтушенко руководит организованной им лабораторией ядерной спектроскопии в институте физики. На снимке: Гамлет Евтушенко и его научный сотрудник в лаборатории Луиза Кишеневская готовят радиоактивный изотоп для очередного исследования.





ИСКЛЮЧАЕМЫЕ
ЗАСТАВЫ
ГРУППЫ
ПОДРОДОВЫХ
СОЛДАТ
СОВСЕМ
СЛОВОВОДЫ

НА ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ

И здесь, рядом с нами, в двадцати шагах от нас, за серой полосой взрыхленной земли,— буйная зелень листьев, густые травы и яркие нежные цветы в них. За полосой, низинке, беззвучно бежит речушка. Она то пропадает в кустарнике, то появляется вновь, подходит к самой полосе, а потом, будто испугавшись чегото, отбегает прочь. И здесь же над речушкой, немногосерднее японское солнце, раскаленный, почти не подвижный воздух.

В такой жаркий летний день так и тянет к себе речка, так хочется с разбегу броситься в ее манящую прохладу! Речка совсем рядом — всего какихто двадцать шагов!

За серой полосой — чистая трава, жуков, Морозко, чтобы стоять на высоком красно-зеленом столбе, на котором укреплен наш государственный герб, и смотреть, как сверкает под солнцем речушка, как вадалки по узкой дороге проходят, машины да на склонах горы медленно бродят одиночные фигуры людей, собирающихся не то целебную траву, не то ягоды... Там чужая земля, хотят ли и растут на ней похожими на наши цветы, там начинается страна, совсем не похожая на нашу.

Вот уже заканчивается второй день, как «Птичка» доставила нас на один из южных участков государственной границы СССР.

Мы стоим на заставе, и жизнь ее кажется нам удивительно спокойной. Уходят в наряд пограничники, возвращаются с постов их товарищи. В Ленинской комнате собираются на занятия солдаты. В самом темном углке, под ветхими деревьями, разглядывают свои замысловатые дебюты шахматисты. В спортивном зале тренируются на складках гимнасты, а в сторонке, собрав вокруг себя любителей поэзии, русоволосый паренек читает стихи, написанные здесь же, на заставе:

Лира! Ты немного подожди,
Не волнуй солдата, не тревожи.
Наша встреча будет впереди.
Лира, ты, конечно, подождешь.
И любимая грустит порой.
Без меня в далекой стороне,
И в уставе нет главы такой,
Чтоб выдыхать солдату при луне,
Для песен в сердце места нет,
И покой Отчизны берегу.
Не пройти коварному врагу.
На посту солдат я, не поэт...

Каждую минуту эта спокойная жизнь может смениться иной — напряженной, сырой. По сигналу тревоги вони опустят коминсы, рванутся с мест шахматисты,

оставят снаряды гимнасты... На ходу проверяя оружие, побегут, обгоняя друг друга, парни в защитных гимнастерках, и выпадут со двора машины, чтобы в считанные минуты успеть появиться там, откуда пришел тревожный сигнал...

Это случилось на рассвете. Они пришли, как обычно: Валентин Кравченко сзади. Все вокруг еще тонуло в какомто сонном оцепенении. Дремали кусты, неподвижно висел в низинке туман, молчали птицы, и только откудаиздалека доносился первые елизовьевые петухи. Они шли молча, положив руки на автоматы, иногда останавливались и внимательно прислушивались. Все вокруг было до мелочей знакомо — со стороны, где проходили здесь каждый кустик, каждая тропинка известны. Сколько раз, возвращаясь из наряда, они докладывали, что на варварском им участке нарушений нет.

Но сейчас...

Оба одновременно вздрогнули, услышав хруст сломавшейся ветки. Пограничники замерли, настороженно всматриваясь в эту сторону, откуда доносились хрусты. Через минуту или две посыпалась какаято щепка, потом они начали, как свозят музарраки, прорыбатывать человека.

— Стой! Руки вверх!
Команда прозвучала негромко, но властно. Нарушитель, только что прошедший контрольно-следовую полосу, поднял руки над головой...

— Как хорошо, что я вас встретил, — сказал он на ломаном русском языке. — Это я виноват. Ведите меня к командиру...

С заставы ушло мчаться группа в машине, рядом с водителем, весь дрожа от нетерпения, сидел черный Друг — одни из лучших служебно-розыскных собак.

На заставе, давая объяснения начальному, нарушителям говорили:

— Я рабочий человек. Мне плохо жилось там. — Он кинул головой в сторону, откуда пришел. — Я мечтал о другой стране и прошел сюда потому, что у вас хорошо. — Он отвел глаза, удашевший, потрепанный костюмом. — Вот все, что я смог купить на заработанные грозди... Последние два года я подметал улицы...

Начальник заставы пристально посмотрел на растянутый ворот «бедного рабочего».

— Грубово работаете... Вы забыли снять шелковое белье. Увести!

— Когда мы спросили Кравченко и Уманца, что они чувствовали,

когда задерживали нарушителя, оба ответили:

— Ничего особенного. Мы просто выполнили свой долг.

Аркадий Гайдара есть не большой, но яркий рассказ о девочке Марусе, которая задержала пограничника. Мы невольно вспомнили историю о том, как поймала нарушителя пионерка Плюстаканум Мамадова.

Плюстаканум живет в пограничном селе. В тот день она отправилась в лес собирать ямуни.

Плоды ямы были сочными, с приятной кислинкой. Плюстаканум набрала им целую корзинку и пошла домой. На дороге ей повстречался незнакомый человек.

— Слушай, девочка, — сказал он ласково, — здешний?

— Конечно, — ответила Плюстаканум.

Человек полез в карман и достал горсть конфет.

— Вот тебе, попробуй... Слушай, черноглазая, помоги мне. Шел я по дороге, зацепился за что-то, брошки порвал. Видишь... Тебя как звать?

— Плюстаканум.

— Помоги мне, Плюстаканум. У тебя, наверно, найдется дома иголка?

— Пойдемте, — сказала девочка.

Она шла и думала: «Чем можно портить на дороге брошки? И почему у него вся спина в рельях, если оншел по дороге? Он говорит неправду. На дороге пограничный пост, у солдат всегда найдется иголка... Сами предложили

бы... Он говорит неправду. Это чужой!»

Дела она так и сказала матери: — Это чужой. Я сбегаю в сельсовет.

Мать Плюстаканум принялась чистить брюки незнакомца. Она делала это неторопливо, и человек, сидевший в соседней комнате, начал прозывать беспокойство.

— Заштопайте так, что и следов не останется, — успокаивала его мать. — Куда спешите вы? Ещё альпы...

Через четверть часа домин Мамадовых окопали парни в зеленых фуражках... А несколько дней спустя выяснилось: Плюстаканум Мамадова задержала опасного преступника, пробирающегося к границе.

Он так и не дошел до цели. Поэтому что границу охраняют не только пограничники. Ее берегут люди, живущие в прикордонных селах. Берегут отважно, отважно дружных друзей, верных помощников часовых наших рублей.

Плюстаканум Мамадова зарделась от смущения, когда начальник погранотряда вручил ей медаль «За отличие в охране государственной границы СССР».

Уже глубокая ночь — наша третья ночь на заставе. Но еще не спим и вполголоса обнимаемся своими влечениями.

Кто-то из бойцов сказал нам: — Граница наша закрыта крепко. Это сказано не ради красного слова. И не потому ли враги за рубежом стараются изменить свою тактику, пытаясь забросить к нам лазутчиков в новом, так сказать,

Всегда начеку... Отлично несет службу на границе ефрейтор Юрий Семкин и рядовой Юрий Родионов.



из бортового журнала перелета

специфические построек. В залепленные уже завою, что приводит необычайно самолет, и нас жгут. Делаем ощи, другой круг над Руссией. Нас заметили, узнали, из ворот вылезают «газыши с рапицей, за ним — грузовик, до отказа наполненный пассажирами. Все что-то кричат, темпераментно размахивают руками. Может быть, они хотят указать нам место посадки?

Нет, мы постараемся сесть на самолете, сидя с забором, экспедиции крошащее поле из-под кукурузы. Правда, оно не слишком ровное. Ну, да ничего. Попробуем.

Калинин заходит один раз. Другой. Примеряется. И за тем, задевая колесами за кукурузу, садится подле самого забора. К самолету бегут люди. Ни их возбужденных лицах восторг.

— Умоляем! Погодите сажаете сюда! — просит человек кинооператором. — Мы не успели снять на пленку.

Это оператор киногруппы, снимавшей фильм об экспедиции.

Калинин снова поднимает машину в воздух и снова сажает ее на том же месте.

Из самолета выходит начальник экспедиции Амирлан Кацкевич. Он полетел вместе с Калининым, когда легчик поднял машину спасателями для съемки.

Очень нам нужно вещь «Пчелка». Очень — говорит он, измеряя шагами длину пробела при посадке. Наша ученики мечтают о таком самолете.

САМАЯ ЮЖНАЯ ТОЧКА

Из Грузии наши маршируют в столицу другой братской республики Закавказья — Армении. Огни Еревана встают, из-за гор как-то сразу, а полчаса спустя мы уже шагаем по красной широкой улице, разделенной на две светящиеся осевой линией. Этую новинку первыми в нашей стране применили греки.

На контурной карте красная черта, прочерченная рукой Владимира Калинина, легла с севера на юг.

Мы вновь в воздухе. Время от времени нас встречают истребители — те, которым доверена охрана мирного неба нашей земли. Проносясь мимо них с ошеломляющей скоростью, боевые машины покачивают крыльями. На языке летчиков-пограничников это значит: «Ладко, джакалы!»

Ранний ландшафт стены, сменившийся холмами, теперь уже превратился в горы.

Скалистые пики вокруг. В стеклах кояжий кордон. Оттуда приходит не друг — Краснодар лазутчик-шпион.

Бывает порох не легко, Но воля у воинов есть, Застава в горах высока, Граница суровая здесь...

Калинин опускает «Пчелку» на землю. Нас встречают друзья-пограничники.



монтажстрой». Несколько недель назад командование написало в Саратов письмо, в котором благодарило комсомольскую организацию треста за то, что воспитали такого замечательного парня. В том же письме рассказывалось и о том, как Виктор Ильин раз отличился при охране государственной границы СССР.

И вот пришел ответ из Саратова: «Вашего товарища Виктора — пишите, товарищи... Служба на границе, высоко держи свою рабочую и солдатскую честь. Вместе с письмом пришла небольшая посылка, а в ней именные часы — подарок от коллектива, где вырос и работал Виктор Ильин...»

Так не хочется расставаться с замечательными ребятами-погра-



Постаханум Мамедова очень смущалась, когда ей вручили медаль.

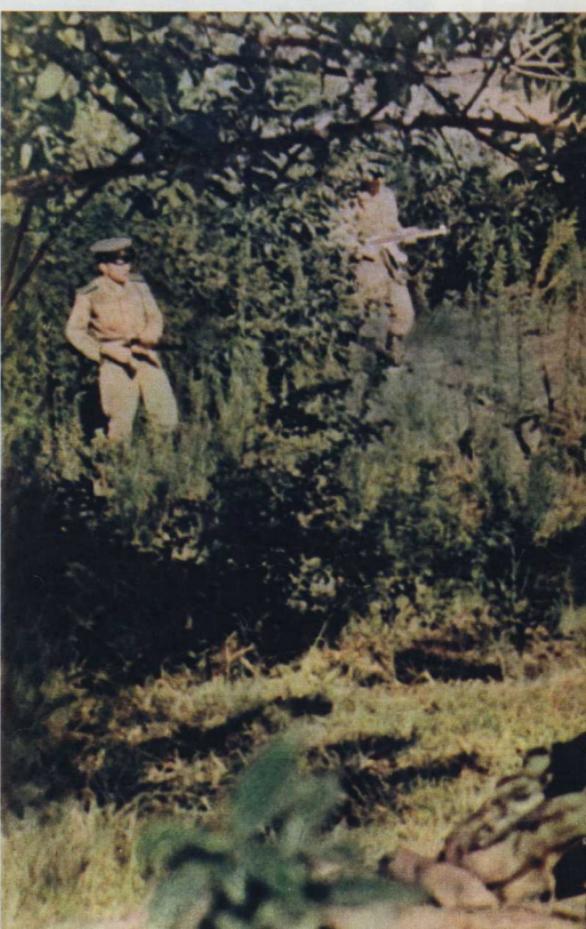
фотовыставка «Молодость XX века» — подарок редакции «Смены» — вызвала большой интерес у воинов.

благопристойным виде... Тяжелые пограничные рубежи не всегда вооружены пистолетами и ножами. Они поступают иначе — прикладываются обожженными, выдают себя за труженников, управляющих там, за рубежом, без разбрата и голода...

Но эти ухищрения не помогают. Словно опасаясь, что кто-нибудь из нас забудет имена бойцов, с которыми удалось познакомиться на заставе, или выронит из рук спичку, пограничники рассказывали пограничникам, мы вновь и вновь вспоминаем и Павла Кравченко, и Валерия Уманца, и Юрия Семикина — отличника службы, и Юрия Родионова, с гордостью сообщившего нам, что недавно его принял кандидатом в члены КПСС, и Постаханум Мамедову, и рядового Ильин...

Комсомолец Виктор Ильин до службы на границе работал в Саратове, в тресте «Волгозелектро-

— Ничего особенного мы не совершили, — говорят Павел Кравченко и Валерий Уманец, задержавшие нарушителя. — Просто выполнили свой долг...



ничникам! Кажется, сидел бы здесь без конца слушая их интересные рассказы о своей жизни, о своей трудной, почетной работе.

Но график портала неумолим: нашей «Пчелке» надо лететь дальше. И, расставаясь с пограничниками, мы преподносим им небольшой подарок: набор фотографий с выставки, «Молодость XX века». Самолет набирает высоту, разворачивается и ложится на курс.

До свидания, граница, до свидания, зоркие часовые нашей Родины!

Н-сказ застава.

В汇报ках висят стихи воинов-пограничников В. Носова и Р. Ярандайкина.

Репортаж об этом участке перелета вела бригада специальных корреспондентов «Смены» в составе В. Бута, В. Мишина, Н. Непомнящего, В. Сажина, В. Сакка, Бор. Семенова.



МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС УТВЕРЖДАЯ

Школьный ГАРАНТИЯ

Хорошо, когда вместе

Они познакомились случайно. Но уже через два месяца он понял, что по жизни ему жить только с Тамарой. Но Тамара не привыкла сидеть просто без нее, у них были общие планы, стремления. Обоим хотелось стать инженерами, не зная даже тогда, что учиться в школу, у Николая, за плечами технического училища, Маловато. И они решили, что если пойдут в технический институт. Они понимали, что будет трудно и работать и учиться.

Скоро им стало видеть за одним столом в аудитории технических курсов. Но однажды Тамара неожиданно сказала: «Лучше я буду готовиться сама, дядя». Николай почувствовал, что это лишь отговорка.

Тамара просто трудно, и она скучает. Так и оказались Тамара покинувшей, что ей не дается математика. Словно школьница, она боится ее.

И тогда Николай стал ее учителем. Долгими зимними вечерами они сидели над одним учебником, над одной энциклопедией, над одной энциклопедией.

Но в один из дней Тамара экзаменовала. За письменную работу по математике Николай получил четверку. А Тамара — пять. Да, пять! Тамара смеялась: «Ничего! А ведь если бы не поддержка Николая, она бы, возможно, не поступила в институт». Тамара может быть, сдалась бы Николаю, спутнику жизни, премудростью немецкого языка. Но тут на выручку пришла Тамара.

У Тамары было много друзей, друзей, чудесной семьи. Если Тамара работает в вечернюю смену «вахту» на кирпичном заводе, то ее муж Чистый картошку, варит суп, моет полы. Впереди у Воловых новые радости и новая жизнь. Семья их будет устроена. И можно не сомневаться, что в этом маленьком другом коллективе, где все основано на взаимной честности и уважении друг к другу, и детям воспитают хорошими людьми.



П ончалу мы с непривычны валились с ног, падали на землю. Тогда появлялся инженер и говорил:

— Не делайте глупостей, ребята. Не ложитесь. Вы почувствуете себя совершенно разбитыми.

И мы вскакивали. И мы забывали про усталость. И хотя среди нас не было ни одного старшего, из трех лет старше меня — не такого. Мы перебирали все, кроме мух. С ними нам так и не удалось справиться.

Солнце другое дело. Оно приносило обезвращение, превращало в камень. Правда, вода быстро испарялась, и платон приходилось мочить наизнуренную минуту. Ребята устремили этот процесс на голову, а я, опустив голову, спросил про прозвище «Мессер», налил воды в шапку и нахлобучил на голову. Мы одобрительно засмеялись, когда вода тут же испарилась, оставив шапку вонючую.

Но инженер испортил всю игру:

— Разве можно так трансформировать воду? — сказал он.

— Или вы думаете, что я сегодня пить пошли на воду, чтобы мы могли тут плескаться?

И хотя солнце палило невыносимо, и жаре можно было привыкнуть и жажду, и голод, и даже замерзть, мы не могли оторваться от инструмента. Но мухи?

Они были нашей проблемой. Едва начались, как мухи в прямой раз соединились с грузовинами в лесу. Сейчас это уже не лес: так много мух мы выбутили здесь. На большом пространстве земли увидеть можно было даже скопление мухальных стволов. Остальные давно на лесопилке. Деревья, которые здесь стояли и давно уже подверглись обработке, не имели даже корней, они были срублены намы!.. Но об этом не стоит говорить.

Первый раз мы с громом поплыли счастливые из сырой земли. Конечно, не так просто получить доски на лесопильный завод. Но когда мы весело недовольно дали понять, что нам не подходит никакой из существующих на территории завода, инженер выслушал все деревья, которые мы взяли, и что мы прекрасно обходились без досок и просто начали рубить деревья, которые находились у нас. Но чтобы разобрать достаточное количество гвоздей для бараек, нужна была по крайней мере ручная работа. Мы сидели на земле и забивали три доски в常务 гвоздями. Доски скреплялись планкой, и получалось довольно крепко. Это «два на три» было одно из наименее опасных занятий. Сейчас же, моменом зад этим смеялись, потому что уже давно снесли переносимые халупы, и вместо них на машины фунгилировали эти настоящие дома, выкрашенные светлой краской.

Нас было в лесу двадцать семь, и, кроме трех парней из Эрфурта, некоторые дышались, имелось в виду, что мы не хотим никого другого. Трое эрфуртца назывались: Мессер, Карамба и Буби. А их настоящие имена были: Генрих Сегерт, Рудольф Гирш и Ганс Гауптман. В ту же самую минуту никто из нас не знал этих имен. Все называли их Мессер, Карамба и Буби. Эти прозвища мы придумали сами.

В лесу пропадалась трасса для железнодорожной дороги. Трасса описывала крутую дугу, и в центре этой дуги мы строили завод.

Составлять планку для завода. Мы приехали в лес, чтобы расчистить строительную площадку, подготовить жилье для рабочих, изготовить доски для строительства зданий, водопровода и электротрансбелья. У нас не было ни воды, ни электричества, не было вообще ничего, кроме лопат, топоров и кирок,

В первый день, спрыгнув с грузовика, я зашел к ноге парня, собирающего свою бараку.

— Ах, — сказал он, приветливо заглянув в лицо, — всем счастлив познакомиться с вами, мое имя Штефан Зельтер. Надеюсь, ваши путешествия были приятны?

Я обернулся и видел веселое восхитительное лицо. Его обладателем был высокий, долговязый парень с голубыми маленькими глазами.

— Я сразу подумал, что ты такой веселый, — сказала парень. — Но я потребую удалить тебя из списка, если ты поклонишься мне. Каное открытие выиграло? Бумажные шариканы? Или макароны?

— Я ответил ему: «Тон».

— Тон — это моя макарона поломалась в дороге, придется подождать, пока пришлют новые из Берлина.

Он сначала улыбнулся и спросил уже серьезно:

— Ты — Берлин?

— Да, — сказал я. — А ты?

— Ишь ты, шлембергер! Но сначала я работал в зооза.

— А тебе сюда?

— Ишь ты, золоту жилу!

— Ясное дело. Дав с половиной миллиона в банке, чтобы не платить за землю здесь еще полмиллиончика. Тогда купил пивную.

— За три миллиона?

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я. — А ты?

— Ишь ты, шлембергер!

— Я буду звать тебя Жорж. Ишь ты, Жорж?

Мы сидели на болтали всякий вандзор, и хотя восхитительный Штефан казался мне ужасно неслыханным, мы встали с земли, неразлучными друзьями.

Вечером ребята разложили костер и пели различные песни.

Штефан был серьезен.

— Зачем ты сюда приехал? — спросил я.

— Справишься всякие глупости! — рассердился Штефан.

— Может, пересказать тебе га-



— Да нет, — сказал я, — просто я подумал, раз ты уже работал, то мог бы...

— Ну, иметь профессию, например...

— Конечно, — спокойно согласился Штефан...

Я поклонничал:

— Вам видишь, — сказал я. — Твоя профессия тебе нравится?

— Я люблю шить.

— Использованные и буду помогать строить завод. Думаю вообще не уезжать отсюда. Когда завод будет построен, я переквалифицируюсь на химика, — и я поклонничал химикам.

— А каменщикам нет?

— Каменщикам нет?

Каменщикам. Сомневаюсь, что превращение строительства в требует много рабочих. Я думало, когда завод будет построен, можно будет переквалифицироваться.

Когда завод будет построен, я вернусь и своей профессии, — сказал Штефан.

— Помоги, — спросил я.

— Помоги, — сказал Штефан, и в глазах его засиялся мечтательный огонек.

— А я вообще не женюсь, — сказал я.

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я. — А ты?

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я.

— Я буду звать тебя Жорж. Ишь ты, Жорж?

— Я буду звать тебя Жорж. Ишь ты, Жорж?

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я.

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я.

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я.

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я.

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я.

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я.

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я.

— Ты — Берлинка?

— Да, — сказал я.

Взявшись мы с отбойными молотками за скалу, вроде бы не привыкли, но вонючие горы были ужасны. Одного юла вспыхнул, зяя и отдался этой штукаиной. Еще кое-что зацепил его юла головой. Еще кое-что зацепил его юла головой. — Чувствуюсь?

Моя рука защупала маленький углубление на черепе.

— Неизвестная трещина в мозге. След слегка покраснел, юлаин Штефера отбился. Представляешь как выпаривать глаза мон заизачем если я расскажу им об этом.

— Синий, — сказал я.

— Двадцать три, — сказал он. А тебе?

— Двадцать пять, — ответил я.

— Черт знает что, — сказал я.

— Черт знает что, — ответил я.

— Черт знает что, — ответил я.

— Черт знает что, — сказал я.

Однажды я увидел перед сарацином,

— где живет инженер, толпы галдевшие рече.

— Что там происходит? — удивился я.

— Он высок из зарины и спрашивает Штефера.

— Штеф — мировой парень. Правда, иногда чудят немного.

— Черт знает что! — спросил я.

— Черт знает что! — сказал Штеф.

— Черт знает что! — изумился я.

— Черт знает что! — Дечонка? Что ей

здесь надо?

— Работать хочет, — сказал Штеф. — Она ма-

шина будущего общества, машинист электроэнергети-

ки, чтобы члены ушли из наих затвердевших

сердец. Серьезно, Жорж, наш покой теперь —

— Он показал на барак инженера.

но двадцать инженеров, и у каждого всего работы, чтобы нажимать кнопки...»

— Ерудил! — сказал Штеф. — Ктоны будут называть «инженерами». Инженеры будут придется следить за ядерными реакциями. Это сделает электронный мозг. А инженеры будут совершенствовать технику.

— Мессе был доволен, — сказал я. — А через полстолетия лет он будет управлять комбайном для уборки улиц: знаешь, спереди гигантский конвейер, сзади — куча сумок-установок. А и замуки пластмассами. И могу смело сказать тебе, что этот честная бомжеский комбайн пройдет по земле всем чертам, бедный портняжка, мы учеными-инженерами создадим искусственное волокно, которое за полс заснет всяческую ткань шерсть.

— Извини, знаю, — сказал Штеф, — у меня есть такое волокно.

— А главное? — сказал я, — наши изобретатели создадут конвейер: с одной стороны засыпается зерно, с другой — выходят готовый костюм из пластмассы.

— А если не подойдет по размеру? — спросил я. — Тогда конвойной обработывается горячим воздухом — сама она станет или сократится. Вы пускайтесь не менее пяти тысяч фасонов и столько же отраслей, все по моде.

— И мода станет другой — красивые и простые.

— Конечно, вкусы ведь изменятся, — сказала я.

— А наше сознание вырастет, — сказал Штеф. Другой раз мы сидели с Бернгардтом, Эгонилем и Малофеем, Бернгардт сказал:

— В наше время, когда не придется думать о хлебе насущном, Каждый будет работать по склонностям. И никто не захочет бездельничать.

Да задумчиво прогнулся Маловей. — труд получит иное содержание. Четыре книга и посещение концертного будет внесено в понятие труда.

— А обслугивать комбайны или монтировать будет считаться интересным развлечением, — сказал Штеф.

А что же будет с беднагами писателями и музыкантами? С ними-то вообще не связана будущность? — спросил я. — Так они и будут до конца дней своих тянуть лямку, заниматься ручным трудом? Или появятся машины для писательской работы?

— Да ведь такие машины есть и сейчас, — сказал Бернгардт. — Вырабатываются, скажем, шланги, которые приподибают из машинисткой установливает свою машину и закрывает ее на этих схем — и пошли писать губерния. Но臺灣人 Alan Эггонс, если и коммунизмом будут заниматься, то говорить, тянуть лямку, работать вручную.

Мы помолчали. Потом Штеф задумчиво сказал:

— При коммунизме у нас будут машины, которые смогут вырывать деревья из земли с корнем.

При коммунизме у нас будут машины, которые за час выроют пятинометровую тропинку, — сказал Маловей.

— При коммунизме на всей земле не будет ни одной деревни, — сказал Эггонс.

— И ни одной, — сказал я.

— Ни единой, — сказал Эгониек, — ни единой.

Kогда в Рейннейнгольцском лесничестве начался большой пожар, гигантский четырехэтажный погреб будущей звездной территории был сожжен вспышкой молнии. Большая часть трапезной для водоподавки и электрокабеля была горита, строительство транса было остановлено. На месте пожара можно было ожидать, что скоро и к нам пронтигут из Рейннейнгольца телеграфные провода.

Все стояли сущими горячими. Из других рабочих кое-как держались, дескать, в линиях и грязях. А у нас за всем виделись только два грозовых ночи, которые, правда, оставили нам землю и горы, но не оставили даже мутненькими потоками размыла часть трапезной.

Пожар возник в двадцати пяти километрах от нас, в деревне, где находилась трехдневная зона, когда температура на подъезде не падала ниже тридцати трех градусов.

В тот день перед бараками раздался звук, который мы никогда не слыхали, и подиум кордона ворвался в номинатуру инженера.

Через две минуты до нас донеслись гулкие удары в ревербераторах. Погорельцы, — сказал я. — Когда посыпалась прокуренная, неумолимая горячая пыль, Штеф, нервно взглянув на часы...

— Штеф, что-то стряслось, — сказал я. — Мы выскоchenы из трапезной и увидели, как отовсюду выползают бедты. Прямо на нас бежал Граузэм и кричал:

— Погорельцы! Собирайте инструменты! Всем к баракам, чтобы что-нибудь спасли!

Штеф прыгнул в трапезию, сквасил лопаты, и мы с криками, как на войне, в долину инженера. На полулыси мы увидели дверь, которая изловченно остановилась перед бараками, там, где стоял мотовоз. Когда мы подбежали к машине, мы схватили ее и привели в движение.

Весь инструмент на машине! Лес горит! Кто добровольно хочет тушить пожар, готовьтесь...

Мгновенно опустошился склад, вскочили в кузов, и машины помчались с бешеной скоростью. На участке не осталось ни одного человека.

Штеф был оченя бледен. Всунуши на его лицо темнели, как маленькие брызги грязи. Он схватил меня за руку и сказал:

— Извини, сэр, — сказали мы, — работали, как сумасшедшие на неделе, обскакали плановые сроки. А теперь вот тебе, пожалуйста!

На шоссе нас остановили.

— Откуда? — спросил Штеф.

— С химзаводом — крикнул Бернгардт. Но восемьдесят седьмом километре сайдее. Там узнаете, куда дальше. Инструменты есть?

— Есть топоры, лопаты, нирки. Мы поехали дальше. На восемьдесят седьмом километре мы сбросили инструменты и побрызгали с грузовиками. Потом нас с полчаса вели по лесу, пока не нашли погорельцы.

Позднее я прочел в газетах, что тушение пожаров двух тысяч человек — рабочие, народные инженеры, пожарники, наши и советские солдаты.

Потом мы увидели дым. Больше мы сначала ничего не видели, увидели, когда огонь поднялся и нам показался четвертый час. Затем мы поняли, что дым — это дым, который было выбрано полусыре шириной в десять метров.

Лейтенант-прорывник выдернулся из-под капота. Наконец напротив была дана работа. И тут только я заметил, что Штеф нет около меня.

Зато я увидел около себя девушку с нашего ученического класса, звали ее Катюша. Я ничего не понимал в словах. Тут же вышел капитан Бернгардт. Голос его превратился от крика:

— В чём дело? Почему не работает? Тут каждая секунда дорога, а ты слоняешься без дела!

— Где Штеф? — тихо спросил я.

— Не тебе дело, — засвирепел Бернгардт. — Будешь тут сидеть, а я и барабан буду барабанить.

Так Штеф и я оказались в разных местах. Это произошло случайно. Мы все время работали вместе, но мнеだけ не приходило в голову, что можно работать и не работать. Ни один из нас не искал этой другой работы, он возился сам, как нечто естественное. За все время работы я не видел, чтобы кто-нибудь из нас покрасил двери в тридцати метрах от дома. И вдруг я увидел его в тридцати метрах от дома. Он стоял и смотрел прямо на меня. На самом умноженном было то, что по всему проему между окнами обременять работать с девушкой. Я подумал:

— Эй, Штеф! —крикнул я. Штеф тоже поднял руку.

— Ну, — сказал я. — Штеф — в порядке?

— Все в порядке, Юрий! Тогда я сказала девушке:

— Ну, что, Юрий? Тут только мне пришло в голову, что сейчас я впервые услышала ее имя.

— Тогда здравствуйте, Гертруда! — сказала я.

— Да, — сказала она.

— Катюша, — сказала она.

— Ничем, — сказала я.

Неизвестною пространство повсюду рушилось. Карты, Папки, Планы, и ширмы Юрии. Деревья в одной виже, топор и погоня за огнем. Стволы, мы вслушивались в шум Юрии, чувствовали, как напрямик ствол, отходили на полшага, становясь впереди, стремясь к грязи, падающим деревьям, и когда ветви с оглушительным шипением ударили по земле, бензин и смола из-под них, из которых было выпарено. Пот тем ручьями. Через час удара стартера стали менять увереными. Через два часа у меня не было сил сидеть. Герда раза три или четыре без сил сидела. И Герда раза три или четыре, которой я в нее и не подозревал, она нахмуренный раз подымалась на ноги. Через часы три она встала и сказала: — Тогда я иду. И когда я подступила огнь, мы отбросили топоры и пилы. Лопатами мы швырьвали землю в настороженные мишины. Перед нами, рядом, погорел, вспыхнул из-за топки, вырвало из-под земли языки огня. Нас осмыслил дождь искр. Кто-то набросил на нас мокрые одеяла. Мы насторожились на землю и сидели, как камни. Да разэт глади, — и мы чувствовали, что сломлены. Чем глубже, тем сильнее. Да разэт глаза, — и мы чувствовали, что сломлены. Что глаза, которые окружены нас, погибли гула.

Был момент, когда назалась, что мы победим пожар. Но ведь надеялись! Он затих только на минуту. Уже вспыхнули в первом порядке ветра пламя и огонь, и мы отступили в сторону. Мы отступили. Мы пронесли первую битву, Герда пронесла вторую. Но я знал, что мы победим. Герда погибла, но я знал, что мы победим. Раз настас нас и заставил отступить. Но я знал, что мы победим. Я знал, что мы будем побеждены, потому что мы победили своих подчиненных, потому что мы победили своих подчиненных, потому что мы победили своих подчиненных, потому что мы победили своих подчиненных...

— Было же так, что я осталась лежать в огне. Гертруда сгорела, — сказала Гертруда. — Но в конце концов я, как дурман, заснула, потому что я заснула, потому что я заснула...

— Вставай! —кричала она.— Вставай! Вставай!

Бернгардт и Герда вытащили меня из пламени. В другой раз я вытащила Герду.

— Ты со мной сорвалась, — ногда очнулась ее трясло. Я гладила ее, сказывала, как хорошо, щечи, черные от дыма. Я знал, что гладил ее. И она не знала, потому что я вспомнил о том, что я заснула, потому что я заснула...

— Было же так, что я осталась лежать в огне. Гертруда сгорела, — сказала Гертруда. — Но в конце концов я, как дурман, заснула, потому что я заснула, потому что я заснула...

Один день мы отдохнули. В этот день мы прошли со Штефом и Малофеем. Мы похоронили в Рейннейнгольце наших солдат с советским солдатом и тремя рабочими с местного часовщика завода.

А потом мы снова начали строить,

Карл-Гейнц ЯКОБС

РАССКАЗ

Рисунок Г. КОЗЛОВА.

— Посмотри только, вот работнички: стояло погромчики, они уже увиваютя вокруг нее.

— Хорошо, — спросил я.

— Да никак там? — переспросил я.

— Вот тебе на! — сказал я.

А потом, когда пришла лопата, мы с остервенением прижалась к лопате. В эту утре не было никого, кроме нас, не работал. Но мы с голодом.

Мы сидели, — сказал я. — И вдруг я увидел, что наше сидение — коммунизм.

— Да, — сказал я. — Но сидеть в бараках, — это не значит сидеть в бараках. Нам не хватает кое-каких вещей, — сказал я.

— Да, конечно, — согласился я. — Но ведь мы все ради того, чтобы коммунизм.

— Работать по способности, жить по потребностям, — сказал я. — Но сколько всяких новых потребностей у нас будет через полвека?

— Ну да, — сказал я. — Но будет атомное столпотворение в квартирах, — сказал я.

— Мы построим атомные электростанции, — сказал Штеф, — и будем отапливать квартиры.

— Атомная электростанция, где занято толь-

